

Династия
Посвященных

INTRODUCTION

Иногда так бывает, что все твоё существо оказывается наполненным странным щемящим чувством, когда где-то в области солнечного сплетения возникает какое-то загадочное опьяняюще-будоражающее бурление. Тогда ты думаешь, что будь ты великим скульптором полета Родена, то схватил бы сейчас кусок гранита, зубило, отсек лишнее, скрывающее Тайное, и явил бы из небытия нечто такое, доселе невиданное, при взгляде на что перехватывало бы дыхание; кажется, что родился ты Леонардо, то входя в твой сон, твоя личная Джоконда поманила бы своей обновленной улыбкой к самым сокровенным таинствам бытия каждого, познакомившегося с овалом ее лица; возникает чувство, что, сев за фортепиано, ты смог бы родить нечто потрясающее и торжественно-печальное, может быть «Лакримузу» нового тысячелетия, горький реквием по тем, кого никогда не коснется Озарение.. «...но клавиш не знают замерзшие руки...» и ты бессильно глотаешь ртом воздух, как рыба, выброшенная в чужеродную среду. Еще миг, и все проходит. Накатывает волна, возвращающая в грудь привычный воздух повседневности, улечувивается ощущение соприкосновения с волшебством.. И лишь странный горьковато-тягостный послевкус напоминает о чем-то величественном, не случившемся... Морок. Наваждение. Кислородное голодание?!...

Могут пройти дни, месяцы, годы... Однажды ты будешь проходить по людной осенней мостовой, и слуха твоего коснутся отдаленно знакомые слова и звуки.. или ты откроешь книгу, и с удивлением обнаружишь в ней выражение того, что чувствовал сам..

Кто они, те, кто Слышит, и может доносить до других услышанное? Те, кому дано Видеть то, по чему лишь мимолетно скользят наши взгляды, никогда не задерживаясь дольше той секунды, которой нам хватило бы, чтобы перевести дыхание? И кто решает, кому Говорить, а кому лишь сгорать от невозможности Произнести?..

Может быть, это какой-нибудь древний бог, тасуя души по телесным мумиям, предопределяет такую способность...Он ровными быстрыми движениями профессионала, тысячелетиями делающего свое дело, начинает эти мумии традиционным набором бальзамирующих трав с незначительным отличием букета ароматических сочетаний, пеленает в одинаково серые, обветшалые от многократного использования, бинты, и помещает их в каменные пирамиды, где они оживают и начинают путь несения тяжкого бремени мумийческой жизни, пока не призовет их к себе, потрясая чашами весов, всегда спокойный и неподкупный Осирис.

Многим мумиям за какие-то неведомые прошлые проступки зашивают шелковыми нитями рты, смежают веки и вкладывают шары скарабеев в уши...

Однако иногда таинственное божество убирает в сторону свой привычный рабочий комплект. Он достает откуда-то с верхних полок вздыхающих от тяжести собственной древности стеллажей старинный, с потрескавшимся от времени кожаным переплетом фолиант. Он медленно открывает его когтистой, покрытой шерстью дланью и немилосердно, выборочным образом, выдирает из него желтые папирусные страницы, испещренные вязью тысяч загадочных иероглифов...Этимися листами он начинает избранную мумию, награждая ее высшим языческим даром и обрекая на высшее для мумии проклятие – быть мумией не такой, как прочие.

И, когда падает первый луч рассвета на алтарь храма божества-акушера, он кладет на него объект особого бальзамирования, наблюдая, как луч вбирает избранную мумию под свои немеркнущие своды и исчезает... Божество издает довольный полуптичий-полузвериный клекот. Еще один элемент мозаики Бессмертных вложен на свое место, еще один член избранной Династии рожден!..

Осколками таинственной Династии ранит время засыпающие эпохи, отрывая от бесконечной угрюмой полудремы, загоняет их под ногти теряющих смысл, вгоняет в сердца превращающихся в камень... В этих осколках при определенном угле наклона можно рассмотреть переливание цветов колдовской радуги. Они несут в себе свет магических откровений и зашифрованных посылов для тех, кто способен читать Знаки! Это те, кого касаются полами своих плащей загадочные Покровители, эти древние мудрые боги, или быть может просто высшие существа, решившие даровать нам таинство своего знания. В их ледящем душу шепоте Посвященный может услышать причастие к зарождению мира и Танцу Жизни всего сущего, когда-то заведшего механизм Сотворения. Они из тех, кто пребывает на той стороне наших снов. В их голосах переплетаются пласты эпох, истины о величайших войнах и их целях... В них можно услышать и обреченность свечи, отданной в жертву холодному ветру скорби... И едва слышный плач надгробной статуи...

Автора этого сборника писатели фэнтези давно причислили к разряду иных, то есть тех, кто за гранью обычного, за пределами человеческого... Так акулы отечественного пера характеризуют способность словом дотянуться до вещей, лежащих по другую сторону от открытой нам действительности, и вытащить оттуда зашифрованную картинку, иероглифическую строфу потаенного знания...

И вам дана возможность коснуться этого шифра и даже попытаться подобрать к нему свой ключ... Вы можете дожидаться вечера, зажечь на столе свечи, слегка приоткрыть окно, чтобы можно было слышать гул случайных

порывов ветра., и погрузиться в мир фантастических образов, мир многогранности смысла фраз и сочетаний. Не торопитесь, дайте себе раствориться в черно-белых откровениях таинственных Покровителей. И кто знает, может вам удастся услышать легкий шелест черных балахонов, и длинные тени людей, чьи лица всегда закрыты капюшонам, задвигаются в неровном свете свечей...

Inquisitor

ПОКРОВИТЕЛИ (МУЗЫКА С. СКРИПНИКОВА)

Лица покровителей скрыты капюшонами.
Они приходят во сне и молчат.
Исчезают с первыми перезвонами.
Не знаю куда – то ли в Рай, то ли в Ад.

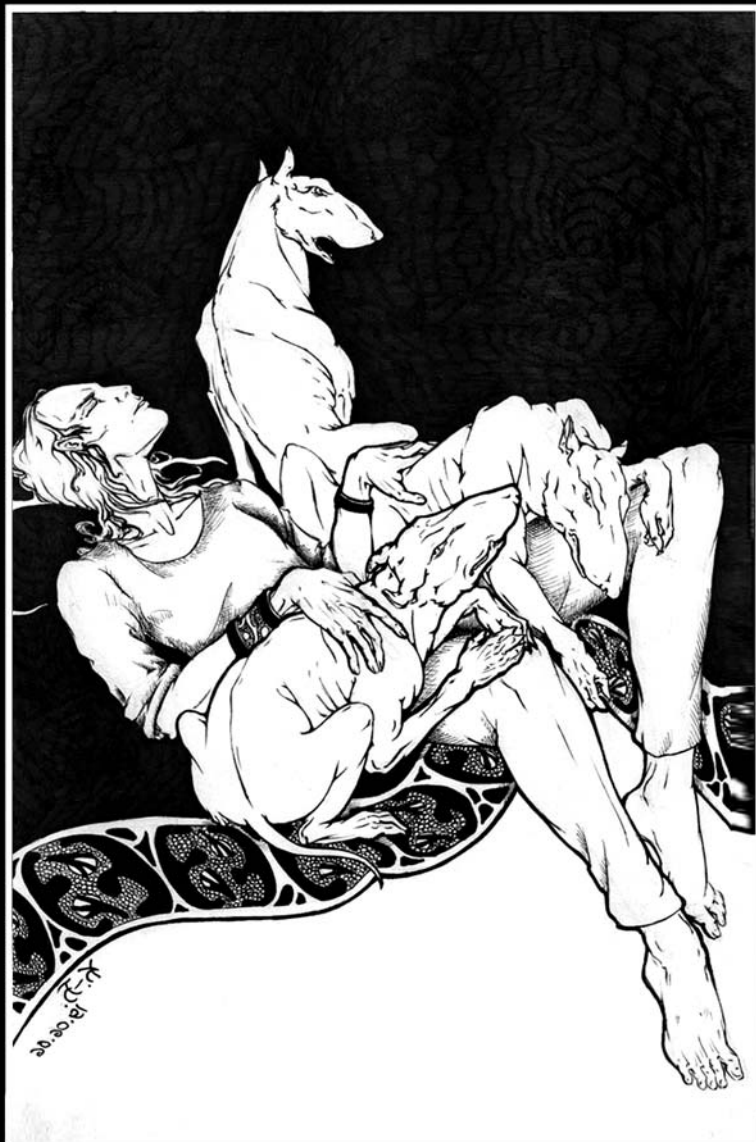
А за ними тянутся чередой видения:
Вот рвется огонь из-под кожи земли.
Календарь индейцев с днем Избавления.
И начало Всего – с легкой горсти золы...

Покровители без крова,
Покровители под покровом тайны.
Просыпаюсь и снова –
Свет – ударом в грудь кинжальным...
Похоронен я в солнечном луче –
Для чего? – Для чего?
Зачем? – Да, зачем?
Солнечный луч – моя пирамида.
Солнечный луч – моя пирамида.
Я – фараон Династии Посвященных.

Оставляют карты мне. Пугают дырами.
В их черноте спит кладбище звезд.
В руках моих уголь – думал – сапфиры.
И ржавый от крови и времени гвоздь...

Лица покровителей скрыты капюшонами.
Они приходят во сне и молчат.
Исчезают с первыми перезвонами.
Не знаю куда – то ли в Рай, то ли в Ад.

ЗМЕЯ (МУЗЫКА С. СКРАПНИКОВА)

Если в лампах кончается масло,
Лампы гаснут, и дело с концом.
У тебя спит змеей на запястье
Смерть с довольным и сытым лицом.

Не буди эту странную даму –
Пусть досмотрит свой вычурный сон,
Где в большой позолоченной раме
Леонардо согнул горизонт.

Небо стало тяжелой подковой,
В яйцо превратилась Земля,
Скорлупа разлететься готова
На миллиарды частиц «ты» и «я».

Леонардо проткнет ее веткой,
На которой семь острых шипов –
Ни эскиза, ни схемы, ни слепка
Наилучшего из миров.

Продолжение сна – неизвестно.
На запястье проснулась змея,
Затянула волшебную песню
И навек усыпила тебя...

АНДАЙСКИЙ КРЕСТ (МУЗЫКА С. СКРИПНИКОВА)

У подножия Андайского креста – ни души.
Даже птица вить гнездо не спешит.
Все утрачено: истина, сила и знание.
Царский посох о камень ломает молчание.

ОТЧАЯНЬЕ!

У одной звезды восемь лучей. у другой – шестнадцать.
На фоне Взорванной башни качнулся Повешенный.
На северной стороне – египетский символ
не желает читаться.

У подножия Андайского Креста
Зимой ли, днями вешними
Ни одного конного.
Ни одного пешего.
Ни одного чужака.
Ни одного здешнего.
Ни ольхи красной.
Ни гибкого орешника.
Ни врачующих раны святых.
Ни рыдающих грешников...

Раз в году утром ранним
Из тумана возникнут цыгане.
Как подсказку – вместо росы –
Разбросают карты Таро.
Чтобы дать понять –
Приближается срок!

Но у подножия Андайского креста – никого.
У подножия Андайского креста – никого. кто поймет.
Здесь даже птица гнезда себе не совет.

САКСОНСКИЙ КОРПУС (МУЗЫКА С. СКРИПНИКОВА)

Никто не знает, что это было –
Но люди в тот год становились волками.
Сбивались в стаи, отчаянно выли.
В лесу разрывая заплутавших клыками.

Так мог резвиться Принц Черной Крови.
Укравший три формулы старого мага.
И волчья стража всегда наготове –
Отстрел диких дулом считается благом...

Отныне и вовеки веков!

Саксонский корпус –
Убийство оборотней.
Саксонский корпус –
Убийство детенышей.
Саксонский корпус –
Дело кровавое, хлопотное.
Но солдаты не нуждаются в помощи.
Саксонский корпус –
Расстрел мятежников.
Саксонский корпус –
Расстрел еретиков.
Саксонский корпус –
По уставу –
Уничтожение волков!

Свидетелей бойни сжигали монахи.
И черные хлопья кружились над ними.
Зима в окровавленной рваной рубашке
Глядела на пламя глазами слепыми...

Отныне и вовеки веков.
Амины!

НЕВИДИМА (МУЗЫКА С. СЕРПНИКОВА)

Лилые ирисы тонут в прозрачной воде.
Мое отражение не терпит подобных вторжений.
Я стану невидима и полечу в темноте,
Нарушив границы известных в мире измерений.

Я сердцем услышу тоску неприкаянных душ,
Увижу из войны за каждое новое тело,
И душу убийцы вспугну, закричав на лету,
А душу певца приласкать и подбодрить сумею.

Такими становятся трижды познавшие смерть,
Прошедшие странный тоннель за другими до срока,
Невидима я и свободна в ночной темноте,
В объятьях разбуженных мною лиловых потоков.

Лилые ирисы вырастут там, где ты спишь,
Я их заколдую – они не замерзнут зимою,
Прости, но заря гонит сумрак с дряхлеющих крыш,
Пора становится как все – хитрой тварью земною.

AVE LETICIA! (МУЗЫКА С. СКРАПНИКОВА)

Имя, летящее к центру рассвета,
Голубой тонкий шелк на спокойном лице,
Чтобы снова увидеть небо нашего лета
Там, где власть отдана Подземной звезде.

Имя, поющее радость полета,
Ты расколешь все камни звучаньем своим.
И с поддельных крестов смоешь всю позолоту,
И огнем полыхнешь у молчащих в груди.

Ave Leticia,
Солнцеволосое чудо!
Ave Leticia,
Ставшая тенью моей,
Ave Leticia,
Я знаю – ты здесь, ты повсюду!
Ave Leticia,
Ave Leticia,
И в небесах,
И на земле...
Ave Leticia!

Имя... Осталось одно только имя,
Голубой, легкий шелк на любимом лице,
Но мы встретимся снова,
И мы будем другими,
И мы будем летать,
И мы будем летать
На другой высоте!

МОНОЛОГ ИУДЫ

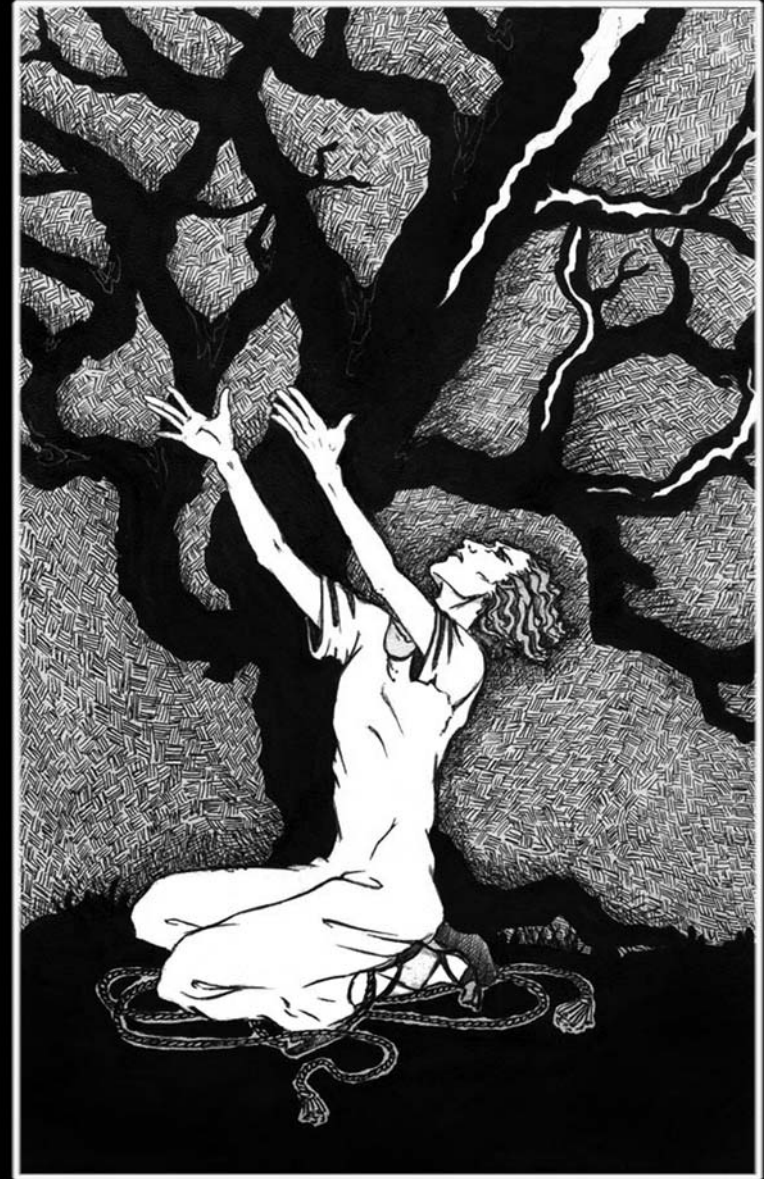
Я накинул петлю на осиновый сук,
И с тоскою взглянул в небеса,
Чуть замедленным было движение рук,
И чуть теплилась вера моя в чудеса.

Ты же сам выбрал нас,
И назначил наш час,
Я – Иуда, а он – Христос.
Каждый выполнил роль,
Так смягчи нашу боль...
Боль Иуды и боль Христа
И сними нас обоих с креста!

Я уродлив, как черт. Он прекрасен, как бог.
Мы – два брата, как дым и огонь,
Но меня воспитали волчица и волк,
Появившись на свет, я нарушил закон.

Как собаку меня все пинают ногой,
И не хочет никто правду знать,
Я прощаю им все, но, ОТЕЦ, боже мой –
Не хочу молодым умирать!

Серебро, серебро,
Посеребри соловья
В Гефсиманском саду...
Без меня.

НИКТО (МУЗЫКА С. СКРИПНИКОВА)

Никто не может нам с тобой помочь,
Никто не скажет вслух такого слова,
Чтоб перестала причитать над нами ночь,
Набросив на сердца свои оковы.
Никто не может нам с тобой помочь...

Никто не может нам смотреть в глаза –
Боятся утонуть в чужой печали.
Мы оказались тоньше крупкого стекла,
А все считали – мы из равнодушной стали.
Никто не может нам смотреть в глаза.

Никто во всей Вселенной не спасет,
Никто во всей Вселенной не поможет,
Я поклонюсь тебе, благодаря за все,
Благодарю за все... Но все же...
Никто во всей Вселенной не спасет!

Никто не сможет нас остановить,
Мы разбросали камни и собрали,
Не надо громких песен о большой любви,
Ни друг, ни враг ее в лицо не знают!
Никто не может нас остановить

КАЖДОМУ ... (МУЗЫКА С. СКРИПНИКОВА)

Каждому по ангелу,
Каждому по демону...
Ангелу – по имени,
Демону – по прозвищу,
Имени – звучание,
Прозвищу – двусмысленность.
И ангелу,
И демону –
По паре крыльев
Разного свечения,
И попутного ветра
По воле
Нашедшего
Камень...

ЭХО ПОСЛАННОЕ В НИКУДА УПАВШУ БЛЕЙКУ

Мудрый Ад говорит: «Мертвым месть недоступна»,
Рай молчит – тучи шлет – с холодным дождем.
Мудрый Ад мне твердит: "Действуй днем – думай утром –
Ночью спи", – только ночь это – время мое!

Мудрый Ад мне кричит: «Нет, молитвы не сеют!
Тигр и лев рвут плоды, крысы – нити корней»,
Рай молчит – он давно научился не верить
Ни словам, ни слезам... и ни Аду, ни мне...

УБИЙЦА ВРЕМЕНИ

Янтарные глаза убийцы времени,
Его растянутый в улыбке жадный рот.
Невидимая нить идет от темени
Туда, где прячет свет и тень хрустальный свод.

Он смотрит на часы в упор и молится,
Серебряные пули загоняя в ствол.
А тишина разряженной невольницей
Танцует, наступая на подол.

Оторванные ленты виснут петлями
На крупких шеех растревоженных минут.
Убийца целится так тщательно, так медленно,
Что камни с места в нетерпение сойдут.

Прикрамывая, убегает время в ужасе –
Не знающий прямых тропинок зверь,
И воет, и скулит, и глупо кружится,
В неверном холоде империи своей.

Янтарные глаза – Щелчок! – Бесцветные.
Обрывки нити. Взорван мозг. Обрушен свод.
В насмешку крутит эхо гимн бессмертию
Тому, кто время метким выстрелом убьет.

ЗАБЫВАНИЯ ВЕТРА

*(натюрморт с доеданием яблока
и поглядыванием на портрет гуру Махариши
в журнале «Обзервер» за 1967 год)*

На острие космических ножей
Прозрачный гуру в белом одеянье
Творит веками дым и заклинанья,
Гипнотизируя растерянных людей
И обрекая мысли на блужданье.

А за спиной его мерцает странный Зверь
С мечом в зубах и кубком яда в лапах,
Зверь сторожит – за дверью звездных запах
Прикован к родникам чистейших вер,
Что знать не знают о земных сатрапах...

В ночь на весах из желтых черепов
Играет Гуру тьмой и ярким светом,
И путь людской томительным секретом
Уходит вглубь мистических дворцов,
Каноном каменным победно в кровь распетый.

Вздохнут весы и явится на свет
Младенец (он зачат в грехе и мраке),
Чтоб Истиной гасить могильный факел
(И оказаться с пламенем в родстве!) –
Зверь зарычит, готовясь к дикой драке.

Из тьмы неверья – выход к Божеству?
От Божества – в язычество, как в омут?
И вновь во тьме,
Как в древних топях тонут
Легко поддавшиеся естеству...
А палец Гуру укоризной согнут.

«Увидишь свет – не верь глазам своим.
В его одежды может тьма рядиться», –
О, как хотелось Гуру ошибиться
И подыграть исканиям людским,
Но Зверь мог не на шутку разъяриться!

На острие космических ножей
Усталый Гуру в белом одеянье
Взывает к душам и поет о покаянье
Преступно неприкаянных людей.
А странный Зверь
Оберегает
Тайны.

АНАНА И АНАИТ
(МУЗЫКА С. СЕРПНИКОВА)

Грубый век ненавидит романтику ночи,
Презирает величие лунных хоралов,
Адский цирк перестешников глупо хохочет
Над цветком твоей крови, недолгим и алым.

Но
Черный плащ до земли,
Лилия и лилит...

Превращаются в небыль священные камни,
Ливень знаки смывает и он безнадежен,
Тайна древних обрядов с тайной неба на равных,
Посвященный все это чувствует кожей.

Черный плащ до земли,
Лилия и лилит.

Никогда не говори неправду,
И всю правду никогда не говори,
Никогда не говори неправду,
И всю правду никогда не говори!
Лилия и лилит,
Лилия и лилит,
Лилия и...

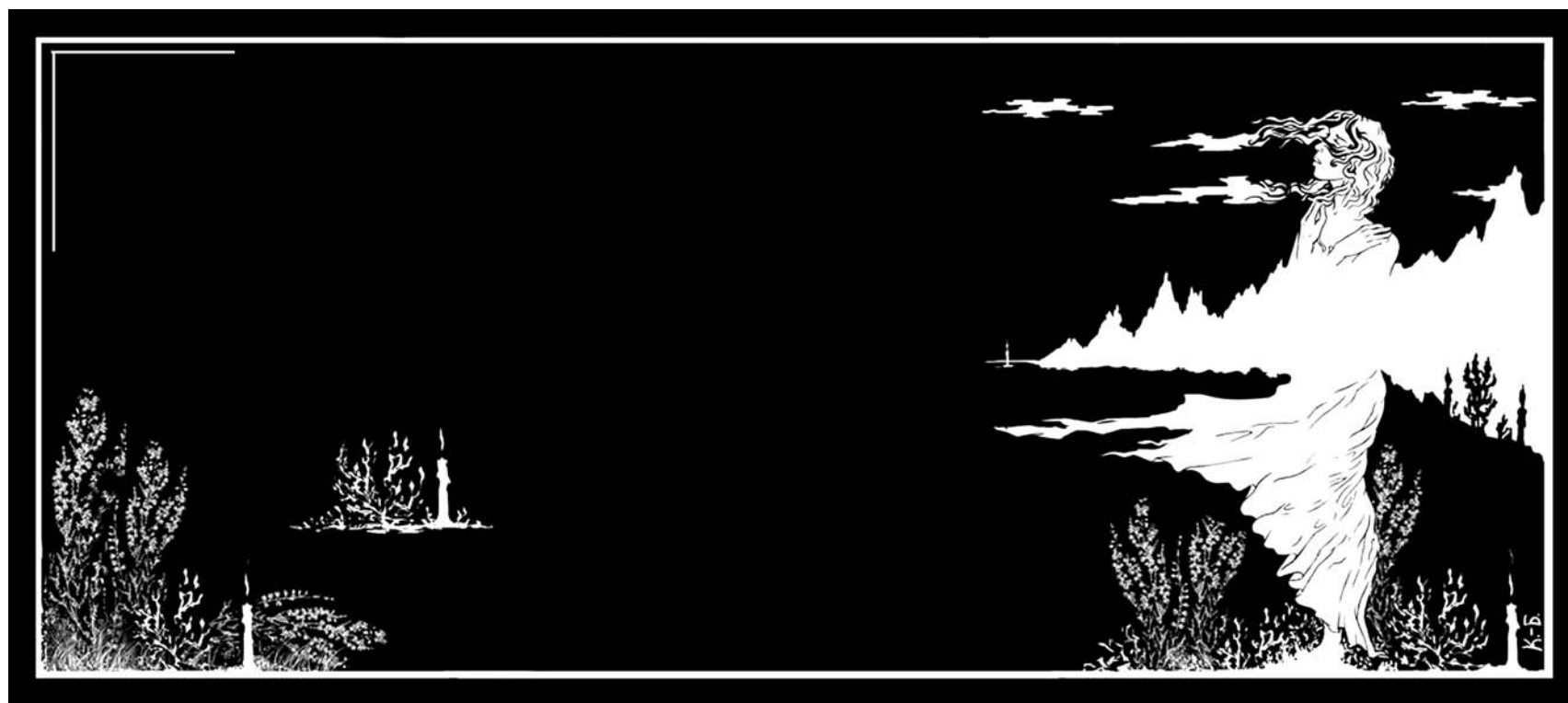

ВЕРЕСКОВАЯ ПУСТОШЬ

(МУЗЫКА С. СКРИПНИКОВА)

Вересковая пустошь...
Вересковая пустошь....
Предзакатная роскошь,
Предзакатная роскошь,

Странное чувство –
Слеплен словно из воска...
Словно я – та свеча,
Что отдана на заклятие ветру...

ЗАКАТНЫЕ РЫЦАРИ (МУЗЫКА С. СЕРПЕНКО)

Закатные рыцари едут на черных конях
К собору, где Мастер упорно рисует священный покров.
У Мастера кисть золотая танцует в руках,
Он сам – словно дар возрожденных из пепла наивных волхвов.

Хотели бы рыцари знать, где богатство племен,
Которым теперь ни за что не порвать католических пут.
Ведь в золоте Мастера спрятан языческий сон,
Его привезли каравеллы, искавшие в Индию путь.

Спите спокойно, жители Города Солнца,
Спите спокойно!

Мадонна молчит, о грядущих распятых скорби,
Она так похожа на младшую дочку торговца сукном,
А рыцарям кажется, что перед ними – Судьба,
Чей взгляд отправляет навечно испанские пушки на дно.

И рыцарям кажется, что по колено моря
Для тех, кто богат лишь гербом и величьем речей,
Но Мастер в огонь преисподней отправит спесивых дворян,
А следом за ними – и дюжины две королей.

Спите спокойно, жители Города Солнца,
Спите спокойно!

На стенах собора заснет золотая пыльца...
И Мастер застынет навечно в обличье Святого Петра,
Закатные рыцари вспыхнут рубиновой тайной венца –
Того, что украсит чело Сына Зла и Добра.

ГРОМ НЕБЕСНЫЙ (МУЗЫКА С. СКРАПНИКОВА)

Мы безумны в желании счастья,
Мы безумны в желании любви,
Над собою в желаниях не властны,
Все в руках сумасшедшей Судьбы.

Лепестки белых роз отправляем
К отражающей солнечный свет,
И боимся открыть, что за краем
Этой жизни второй жизни нет.

Нас связали серебряной нитью
С перекрестком на млечном пути,
Мы безумны в желании соития
С вечным призраком нашей мечты!

Гром небесный,
Глас небесный,
Обещал –

Мы будем вместе,
Гром небесный,
Фуга неба,
Господи, как все нелепо!

РЕКВИЕМ (МУЗЫКА С. СКРИПНИКОВА)

Усталые церкви укутаны снегом.
Петляют следы одинокого Зверя.
А ветер-язычник бьется с разбега
В закрытые наглухо древние двери.

Несыгранный Реквием в окна стучится.
Душой неприкаянной молит о звуке –
У каменной стражи суровые лица
И клавиш не знают колодные руки.

Песочных часов опустевшее тело
Подброшено кем-то Марии с младенцем.
Под сводом готическим птица запела.
Чтоб в полночь упасть с разорвавшимся сердцем.

Золотой, Серебряный.
Бронзовый, Железный.
Золотой, Серебряный.
Бронзовый, Железный...
Цифру «Семь»
Огнем Сатурн
Прочертил над бездной.

ЛУННОЕ ДИТЯ (МУЗЫКА С. СКРАПНИКОВА)

Короли собираются там, где цветет земляника,
Украшают короны стыдливостью чистой росы,
Возмутилась крапива, но, поразмыслив, поникла,
Засыпай поскорей, мой единственный,
мой лунный сын.

Королевы цветами украсили русые косы,
В их глазах отражаются хмель и бесчинства весны,
Не смотри - это глупые игры
для царственных взрослых,
Засыпай поскорей, мой единственный,
мой лунный сын.

Лунное Дитя,
В колыбели лунной,
Лунное Дитя,
Повелитель звезд,
Для тебя звенят
Еле слышно струны,
Лунное Дитя,
Колдовство мое!

Через яркий костер перепрыгнут великие тени,
А гостям Полнолуния одежды покажутся
слишком тесны,
Земляники не станет, венки поплывут по течению...
Засыпай поскорей, мой единственный,
мой лунный сын

«Ты — мастер в том, что пережил,
ремесленник в том, что переживаешь,
и дилетант в том, что тебе предстоит пережить».

Ричард Бак.
«Карманный справочник мессии»

По ту сторону сна

Side I

К.-Б.
23.01.07

ТАНЕЦ

(А. Гранинский — М. Пушкина)

Мокрое тело кружилось в тумане,
Наступая на лед, наступая на пламя,
Трогая лед — завывало, пытаюсь
Затащить в свое брюхо звенящую тайну.

Девять колец порождал лунный обруч,
Номер десять создал серебристую кобру,
Она языком раздвигала пластины
Темноты и упрямства первичного мира.

Из-под ног выползали скользкие твари,
Слыша напев, в тот же миг исчезали.
Из-под ног, словно искры, летели вверх птицы,
Чтоб упасть и смотреть в мир глазами лисицы...

От сотворения до разрушения,
Из поколение в поколение
Танцуют дети,
Танцуют растения,
Танцуют ветра
В небесах,
На кончиках пальцев.

ВНАЧАЛЕ БЫЛ ТАНЕЦ*

Вначале был танец...
Мокрое тело кружилось в тумане,
Наступая на лед, наступая на пламя,
Кромешная тьма завывала, пытаюсь
Затащить в свое брюхо звенящую тайну.
Вначале был танец.

Вначале был танец...
Девять колец порождал лунный обруч,
Номер десять создал серебристую кобру,
Она языком раздвигала пластины
Темноты и упрямства первичного мира.
Вначале был танец.

Вначале был танец...
Из-под ног выползали скользкие твари,
Испугавшись движений, в тот же миг исчезали,
Из-под ног, словно искры, летели вверх птицы,
Чтоб упасть и смотреть в мир глазами лисицы...
Вначале был танец.

От сотворения до разрушения,
Из поколение в поколение,
Танцуют дети,
Танцуют растения,
Танцуют ветра
В небесах,
На кончиках пальцев.

* Оригинал текста

ГЕНИЙ РОКА (А. Грановский — М. Пущкина)

Уставший гений рока
Уходит в монастырь,
Зашла в тупик дорога
И сняты блокпосты.

Приходят люди в сером,
Героев кормят с рук,
Жди в черном братьев следом,
Чтоб завершить игру.

До сих пор
Не окончен спор —
Кто есть кто,
Как вершить добро,
Шаг вперед —
Сто шагов в обход,
Третий Рим,
Что ни день — горим!

История не может
Упрямых научить,
Как дураков стреножить,
С размахом не плодить.

Ползут, желая власти,
Чтоб прошлое создать,
Разъять его на части
И под себя подмять.

Где правда — не узнаешь,
И ни к чему она,
Быть может в джунгли Рая
Уже летит страна!

И ты травой сухойю
Катись по жизни в даль,
От духоты к раздолью,
От воли в никуда...

МУЗЫКА СФЕР (А. Грановский — М. Пущкина)

Жизнь без нас состоится,
Обольщаться не стоит —
Не откажутся певчие птицы
От заигранной роли.

Не поднимут вверх руки
Нетерпимость и скука,
И развязное пенье разлуки
Не лишит счастье духа.

Музыка сфер,
Что за музыка сфер?
Параллели сплели в голове
Фантастический узел...

Жизнь без нас состоится —
Без пейзажей и высей,
На немислимых прежде границах
Вспыхнет бунт новых мыслей...

Но пока мы колдуем,
Как умеем, над миром,
И неважно, что часто впустую,
Этот мир мы любили.

ПЕСНЯ АННУШКИ
(О. ДЗУСОВА — М. ПУШКИНА)

Ой, да как мне породниться с полюшком?
Ой, да как бросить в землю зернышко?
Чтобы выросло солнышко подсолнуком
Да дотянулось до неба до беспредельного?

СМЕРТЬ БЕРАНОЗА

Ой, да как мне породниться с полюшком?
Ой, да как бросить в землю зернышко?

ЗА ГРАНЬЮ
(А. СТРАЙК — М. ПУШКИНА)

Научились молчать
Те, кто раньше кричал,
То ли жизнь хороша,
То ли голос пропал.

Ищут дети Грааль
С деревянным мечом.
Дверь в придуманный рай
Подпирают плечом...

Старики просят день
Стать длиннее на жизнь.
Но теряют вдруг тень,
Тень уносится ввысь.

И дворняги крипят,
Попадая в петлю,
Не хватает им лап,
Чтобы смерть обмануть...

Дорожная пыль... пыль...
Растрченный пыл... пыл...
Поскутья небес... бес...
Примерил — исчез.
Дорожная пыль... пыль

Растраченный пыл... пыл...
Тревожно.
За гранью.

Ты на исповедь шел,
Да слова позабыл.
Вроде все хорошо,
Только сердцем остыл.

Кожа слишком груба,
Чтоб сгореть от стыда.
Мысли, буквы, слова,
Из воды, изо льда

МЕЧТАЙ (АЛЕКС — М. ПУШКИНА)

Мечтай, словно ты заглянул за раму зеркала.
Мечтай, мечтай.
Мечтай – это способ пройти сквозь прочную дверь.
Мечтай...

Мечтай! Мечтай!
Когда прикован к любящим сердцам.
Мечтай! Мечтай!
Шагни в пространство брошенных миров.
Мечтай! Мечтай!

Мечтай – это способ пройти сквозь прочную дверь.
Храни карту звездных небес в своей голове.
Мечтай, все насмешки глупцов не лягут свинцом.
Мечтай, время нас сторожит загадочным псом.

Мир – по-прежнему чья-то война.

МЕЧТАЙ*

Мечтай, словно ты заглянул за раму зеркал.
Шагнул в пространство брошенных миров.
Пусть на Востоке эхо вторит песне клинка.
А Запад ищет послушных стрелков.

Мечтай – это способ пройти сквозь прочную дверь,
Когда прикован к любящим сердцам.
Храни карту звездных небес в своей голове.
На пальце – тяжесть лунного кольца.

Мечтай!
Ведут зеркала потайными ходами.
Мечтай!
Все увидишь другими глазами.
Мечтай!
Мир – по-прежнему – чья-то война.
Нагадай себе свет
Благодарного дня.
Мечтай...

Мечтай, все насмешки глупцов не лягут свинцом.
Одна заденет – боль волной пройдет.
Мечтай, время нас сторожит загадочным псом.
Один прыжок, и час идет за год.

Мечтай, словно ты заглянул за раму зеркал.
Шагнул в пространство брошенных миров.
Пусть на Востоке эхо вторит песне клинка.
А Запад ищет послушных стрелков.
Мечтай!

* Оригинал текста

ВОЙНА (Мастер — М. ПУШКИНА)

Не убьют здесь, так убьют там,
Или по-зверски искалечат.
Война любого превратит в скота,
А ты твердишь про победу и вечность!

ПО ТУ СТОРОНУ СНА (Часть I) (Г. МАТВЕЕВ — М. ПУШКИНА)

Волчий глаз темноты.
Намагничен зрачок грозой.
Я шагаю в него,
Пробиваюсь немой слезой

На ту сторону сна.
На ту сторону сна.

Вниз по горной щеке.
На ладони ничьих богов.
Стану каплей в реке.
Убегая от берегов...

По ту сторону сна.
По ту сторону сна.

Храм из пепла в степи.
А в песках — города теней.
Золотистая пыль
Не родившихся новых дней

По ту сторону сна.
По ту сторону сна.

ПО ТУ СТОРОНУ СНА SIDE 2

*«Никакого рая, никакого ада, только эти бесконечные миры,
которые ты создаешь, пока думаешь, что так и надо».*

*Ричард Бах,
«Карманный справочник мессии»*

КРЫСЫ

(А. Грановский — М. Пушкина)

Дети Часа Прозренья,
Свежая кровь и острые зубы,
Полет, непрерывность движенья,
Злобной усмешкой вспороты губы.

Отсекай одиночек –
Им умирать на старой дороге,
С подлунными крысами ночью
Травы не топчут единороги.

Бархат, шелк, серебро,
Нож под ребро,
Быстрый конь, острый меч,
Головы не сбережь!
Крысы – в окна и двери,
Не зверьки, не детеныши,
Звери,
Жестокие звери,
Красивые звери,
Азартные звери!

BIS REPETITA PLACENT!

Им бы слепнуть в грязи,
Ползать в грязи, в грязи и забыться,
Не видеть бы Солнце ни разу,
Не подставлять косым дождям лица...

Ждать прощения глупо,
Пляски ждать на костре слишком скучно,
Разбить бы к чертям неба купол!
Но есть у них сердце – бей в сердце, лучник...

Шелк, серебро,
Нож под ребро,
Дети Часа Прозренья –
Свежая кровь и острые зубы,
Полет, непрерывность движенья,
Злобной усмешкой вспороты губы.

Отсекай одиночек –
Им умирать на старой дороге,
С подлунными крысами ночью
Травы не топчут единороги.

BIS REPETITA PLACENT

КРЫСЫ* (ДЕТИ ЧАСА ПРОЗРЕНИЯ)

Дети Часа Прозренья.
Свежая кровь и острые зубы,
Полет, непрерывность движенья,
Злобной усмешкой вспороты губы.

Отсекай одиночек –
Им умирать на старой дороге.
С подлунными крысами ночью
Травы не топчут единороги.

Бархат, шелк, серебро,
Нож под ребро,
Быстрый конь, острый меч,
Головы не сберечь!
Крысы в окна и двери,
Не зверьки, не детеныши,
Звери,
Жестокие звери,
Красивые звери,
Азартные звери!

BIS REPETITA PLACENT**

* Оригинал текста

** Дважды повторенное нравится (лат.)

Им бы слепнуть в грязи,
Ползать в грязи, в грязи и забыться.
Не видеть бы Солнце ни разу,
Не подставлять косым дождям лица...

Ждать прощения глупо,
Пляски ждать на костре слишком скучно,
Разбить бы к чертям неба купол!
Но есть у них сердце, бей в сердце, лучник...

Кода:

Бархат, шелк, серебро,
Серебро, бархат, шелк...
За души детей Прозренья
Молится в чаще волк.

ВРЕМЯ ВАРВАРОВ (А. Страйк — М. Пущкина)

Меч твой пронзил эту землю
Символом Бога Войны.
Ты ураганом домчался до римской стены.

Древний рубин цвета крови
Верный клинок украшал.
Ты был уверен, что в камне спит предков душа!

Шкура матерого волка
Вместо доспехов стальных.
Твой конь быстрее ветра в поле, ему нет цены.

Время варваров –
Воин погибает молодым.
Время варваров –
Труссы доживают до седин.
Вражьи головы –
Убранство для коней.
Пол-Европы на коленях и в огне!

Ты, опьяненный победой,
Кровью поил свой рубин.
Жаждал начать бой со Смертью один на один.

Страшным летящим ударом
Ты рассекал всех врагов.
Годы идут, и ты к битве со Смертью готов.

Шкура матерого волка
Вместо доспехов стальных.
Твой конь быстрее ветра в поле, ему нет цены.

Шрамы оставив, Смерть прыгнула с плеч.
 Так пошутила Судьба.
 Варвар сам в сердце вонзил свой же меч...
 И обессмертил себя.

СЫН КАМНЯ (А. ГРАНОВСКИЙ — М. ПУШКИНА)

Есть на горе священной камень,
 Черный как ночь,
 Краящий вдохновение звезд,
 Кто засыпает сном младенца
 Подле него –
 В краю безумья первый гость.
 Сестра Небесная за ним
 Следит с немеркнущих вершин.

Тише...

Не любит лишних глаз и звуков
 Колдовство,

Выше

Одной ступени не подняться
 Нам с тобой.

Три круга бытия познает
 Странный герой,
 Все воплощенья душ людей,
 Круг счастья, что считает раем
 Гений незлой
 Загадочного воинства теней.

Три вещи будут трижды святы –
 Свет, человек и вольный дух.

Соком белладонны скована печаль,
 На корме у лодки чуть дрожит свеча,
 Он плывет без весел к Солнцу

От зимы к весне.

Сережиной жизни

В песне называя смерть...

Припев:

ПО ТУ СТОРОНУ СНА
(Часть 2)
(О. Дзусова — А. Страйк)

Прошлого платье изношено,
Но в карманах лежат бриллианты,
В будущем ты – гость непрошенный,
Там своя музыка и музыканты.

Снег очарует намеками,
Письменами следов звериных,
Лошадь белая – вся грива мокрая,
В зыбком тумане пройдет сквозь картину
На ту сторону сна,
На ту сторону сна...

И Поэт императорских лилий
Превратится в поющий воздух,
Старый ангел с остатками крыльев
Из жести кровельной вырежет звезды.

Шептать ничего не хочется,
Улетать – еще время не вышло,
Похоже, мое Одиночество
Оказалось удивительно лишним
По ту сторону сна,
По ту сторону сна...

Ты не разрушить Реальности
И ты не построишь Реальность,
Мой рассеянный дух Зазеркальности,
Бесприютная моя Зазеркальность

КОГДА ЗАПЛАКАЛ МРАМОРНЫЙ АНГЕЛ
(С. Скрипников)

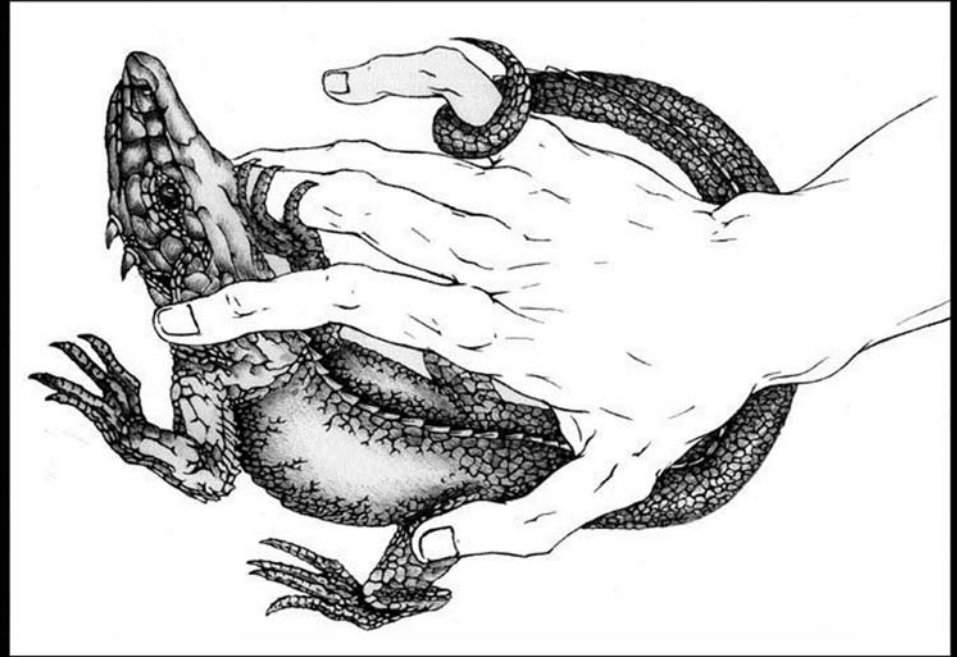
Когда заплакал мраморный ангел,
Сместился к полуночи звон предраассветный,
Когда заплакал мраморный ангел,
В соборе разбился витраж пятицветный,
Когда заплакал мраморный ангел,
Туман оказался прошит нитью черной,
Когда заплакал мраморный ангел,
Покров тишины был грозой разорван,
И ты открыла глаза...

Когда заплакал мраморный ангел,
Поверхность зеркал перестала светиться,
Когда заплакал мраморный ангел,
Печати грехов проступили на лицах,
Когда заплакал мраморный ангел,
Пунцовыми розами стали стигматы,
Когда заплакал мраморный ангел,
Кто был невиновен, тот стал виноватым,
И ты открыла глаза...

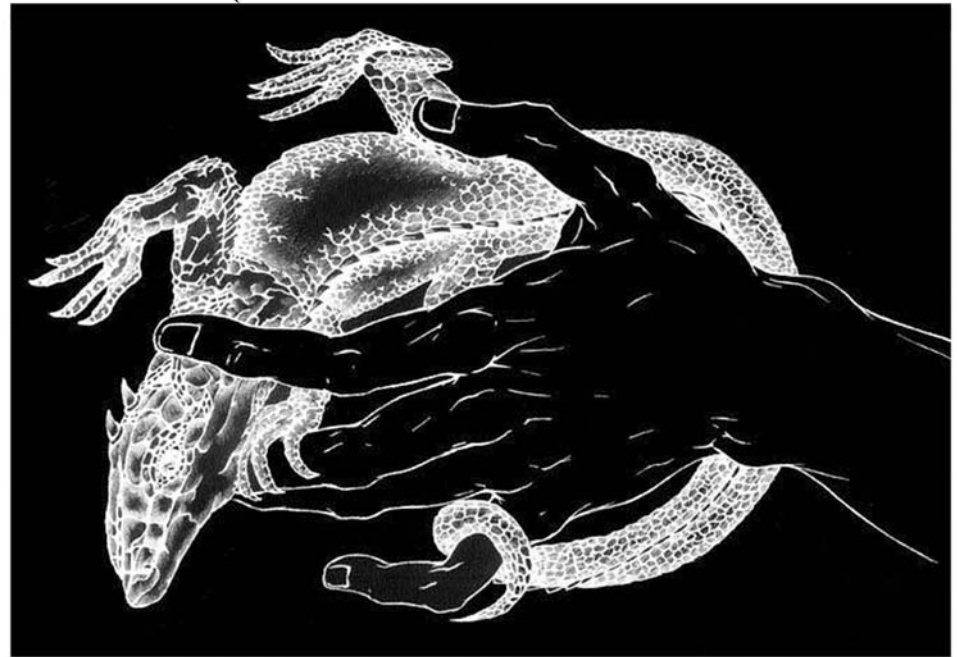
Загорелся бессмертник,
Загорелась ограда,
Пламя схвачено ветром,
Ветер дважды просить не надо...
Загорелись рябины,
И состарились звезды,
Из-за дыма не видно,
Как по небу стекают слезы...
Пепел к пеплу стремится,
Тень приходит за тенью,
От огня не укрыться,
От огня мне не будет спасенья...

Ты открыла глаза,
Когда мраморный ангел заплакал...

AD LIBITUM

С НЕРАЗГАДАННЫМ ВЗГЛЯДОМ

музыканту

«Мы у жизни в гостях», –
так сказал и пошел
Человек с Неразгаданным Взглядом.
Вил гнездо за гнездом на чужих облаках
И командовал Тихим Парадом.

Душу тяжело душить –
Даже лунной петлей –
Невесомость веревки смертельна,
Человек поздоровался с этой землей
И стал Ангелом старой котельной.

Уголь-песня-огонь,
Сигареты и дым,
Не в Монтре, над расфранченной гладью,
Обласкал кочегара канжа – Третий Рим
И отправил просить Христа ради –
Новый день, чтоб дышать,
Дом на час, чтоб поспать,
И струну вместо порванной старой...
И на кухнях, где слово гудит во хмелю,
Стал он братьям по разуму дорог и люб,
Но такая любовь стоит дьявольски мало.
Для Полярной Звезды
у шамана купил
эскимосом простреленный бубен,
Из котельной на небо все время ходил,
Да о солнце обжег свои губы –
И не смог целовать
Глупых девок и баб...
Счастье спряталось в сон – в неизвестность,
И, все звуки отринув, пванула со дна
Разгулявшихся дней и ночей Тишина,
Предлагая себя музыканту в невесты.

Подоконник.
Молчок.
Два ботинка стоят
В непривычном дорожном сомненье.
Погостил... И за хлеб всем воздал во сто крат.
Молча бросился ввысь, в Озаренье –
Горлом песня не шла
словно кровь, не могла,
Заблудилась внутри, испугалась,
Отрекаясь от сердцем угаданных нот...
... И годами в окно
... Смотрит вслед
проигравшая старость.

«Был у жизни в гостях», –
так сказал и пошел
Человек с Неразгаданным Взглядом –
Вить гнездо за гнездом на чужих облаках
И командовать Тихим Парадом.

2006 г., май-октябрь

БАБОЧКА

Бабочка опускается на ладонь,
 Словно наметила свой путь заранее,
 Я узнаю ее по крыльям,
 Хотя не знаю латинских названий,
 Бабочки не помнят своих родителей...
 Что за короткая никчемная память!
 Но в существо золотистого цвета, поющее лето,
 Превратилась моя ушедшая мама...
 Она сидела у меня на ладони –

нереальные крылья –
 невесомость решившей проводить живых –
 И шептала о том, что нас любит,
 Всех помнит,
 И о том, что ей скучно...
 В мирах иных.

2003 г., май

В доме не потолок, а – небо,
 В доме не потолок, а небо...
 Когда уходит отец,
 Это небо пустеет.

2002 г., апрель

У Тарковского? Тягучесть молока.
Торжествующая над разбитой крынкой.
Ностальгия. Ливень. Берега.
Рой бездомных гибнущих пылинок.

Женщина с корзиной входит в дом.
А за нею - странный запах океана.
Брейгель. Невесомость. Крик ворон.
Чардаш расцветающих каштанов.

И стремление к банальной чистоте
Помыслов людских, любви и слова.
Парфюмер. Объять потных тел.
Бредит счастьем грязная подкова.

Ликорадит в сине-черных простынях
И вода течет по подбородку.
Сталкер. Прядь седая в волосах.
Ода к радости.

И – фальшь в последней нотке.

2006 г., май

Верхняя часть неба смертным доступна –
Мы – те же птицы, снявшие крылья.
Думали – купят... И эта проклятая купля
Доступ понятий о чести в умы перекрыла.
Пустое!

Верхняя часть неба – алое небо
Пасти, разинутой на все живое.
Думали – схватит. Рванули кусочки на пробу.
Небо свернулось, дожди отпустило на волю.
Больное!

Верхняя часть неба – боги зрят в окна
И варят пиво из лунных шишек.
Думали – вкусно. Да всюду волокна
Звездных портянок, напиток весельем не дышит.
Родное!

2006 г., май

Ты лепишь идола воспоминаний (для Бродского)
Из воска той свечи, что не успела догореть когда-то.
Была погашена - и оскверненный ею бархат,
Зеленым полем брошенный на стол,
Потребовал немедленной кончины неспешного огня.
Так материал потертый пламя поборол,
Но дал родиться восковому смеху
Немецких барышень в фарфоровых боа
И пастуха с фарфоровой овечкой.

НАСТРОЕНИЕ

Нежданно разливается река,
Хоронит церкви, яблони, заборы,
И колокольный звон из-под воды никак
С душою не закончит разговоры.

Туман ползет - как хитрый старый вор,
Закрутит в мягкий кокон, очарует
И бросит в полуночный звездный вздор,
Повесив на меня вину чужую.

Ладони загорятся в темноте,
Засветятся от напряженья пальцы,
И светом я отправлюсь по воде
К несмело сыгранному в детстве вальсу...

2006 г., май-сентябрь

ЖУРАВАН

Среди снегов танцуют журавли -
Поторопились с возвращением в Россию.
Им в радость солнца нездоровый бледный лик,
Травы пожухлой горькое бессилье.
Тепло, тепло нагрывает... Будет так!
На небе отодвинута печи задвижка,
И журавли на фантастически очерченных ногах
Спят глаза невероятной вспышкой -
Великой лихорадки смены слов,
Подъемом и сожженьем декораций
На сцене нищих лицедеев - облаков,
Не знающих ни славы, ни оваций...

2006 г. май-октябрь

ЧАЙКО-ЯБЛОЧНЫЙ ДЖОНАТАН

Глупости величиной с червяка
Бредут по песку
Следом за чайкой по имени Джонатан-только-Яблоко...
Обреченность - на выбритых лицах червей,
Обреченность - на их гладких попках
(Сложность конструкции сего существа
Разрешает смещение понятий).
Джонатан-только-Яблоко округлился,
Джонатан-только-Яблоко перестал кувыркаться?
Механизм его крыльев

Позволяет рулить к пивному ларьку
И стрелять там соленые сушки.
Джонатан-только-Яблоко перестал кувыркаться!
De facto он - яблоко,
De jure он - чайка.
Джонатан перестал чегеварить с подростками
О свободе полета, полета, прилета, посадки и высадки.
Его перья все больше краснеют,
Достигая незаконного сходства
С кожей тех моряков,
Что отвыкли от бури, подпирая полосатыми спинами
Пивные ларьки в лужах мутной мочи.
Его перья становятся
Глянцевой кожицей законного Джонатана,
Вращенного в Венгрии и натертого воском
(во избежание преждевременной смерти).
Печален вид яблока,
Бывшего
Некогда
Бунтующей чайкой
По имени Джонатан.
Многоквартирный дом
Для теменно-попковых червяков.

МОРШИБА ЗАПЕЛА

Качаясь на гребне высокой волны,
Протянула я руку

И коснулась Луны.

И тогда пришел и появился человек

С той, другой, стороны -

Ветеран Марсианско-Индийской Войны,

Строитель Великой Марсианской Стены.

Он сказал фамильярно:

"Короче, Марго,

В колбасных обрезках и в жизни

Ты не поняла ни-че-го!

Довольно быть тебе черепахой,

На кой черт тебе это?

Пусть идет себе прахом!

Весь грунт рок-н-рольный тобой перепахан,

А у него специфический запах -

Не счастья, а подцензурного страха.

Анархисты Безумного Вдоха

Прислали меня за тобой.

Анархисты Безумного Выдоха

Обеспечат в компьютерах сбой,

Чтобы ты смогла с песней снять панцирь свой

За Великой Марсианской Стеной.

Марш за мной!"

Марш не марш,

А Моршиба запела,

И мне стало жаль

Своего несуразного тела...

Корячась на гребне болотной волны,

Протянула я руку - не стало Луны.

БЕДНЫЙ МОЦАРТ

Бедный Моцарт... В общей могиле

Похоронен на прошлой неделе

Под распевы австрийской метели.

Под пристотом ревнивца Сальери.

Бедный Моцарт... Тебя все забыли.

Хрупкий Моцарт, флейту не слышно,

Волшебства в ней совсем не осталось,

Дон Жуана замучила старость,

В птицелове пружинка сломалась.

Бедный Моцарт...

Кто гений -

Тот лишний.

Искала Моцарта -

Нашла Ангела,

Искала Ангела -

Нашла Брюсова,

Искала Брюсова -

Нашла Вагнера,

Искала Вагнера -

Нашла золото,

Искала золото -

Нашла Рейн-реку,

С нефтяным пятном вместо Рейнова сердца.

МИКЕЛАНДЖЕЛО РАНЕН!

С малых лет тихо делать бы серные спички...
Не мечтать о Карраре и белых безмолвных камнях,
Не блуждать в темноте, ожидая божественной вспышки,
Не стремиться зависнуть над пропастью
на скрипящих неверных ремнях.

Микеланджело ранен! За сотни страниц от порога,
Близ которого культ воробьев и голодных дворняг,
Тех, кто делает серные спички, не судят так строго,
Никто не потребует крови из ран
для восставшей толпы – натошак.
Микеланджело ранен... Душа мирозданья в подтеках.
...Рядом грохот петард – Рождество к Рождеству.
Микеланджело ранен? Сбегают мальчишки с уроков.
Раз плюнуть в болото истории, ведь ее все равно перевернут.

Эй, за сотни страниц от Кремлевской,
Повидавшей затылки Великих, стены
Кто-то делает серные спички, не насилюя мозг свой,
Кто-то катит свой камень,
твой камень,
мой камень,
наш камень...
Микеланджело ранен?!
Да бросьте!
Не видать со спины.

Знаю, что было в будущем,
Не помню, что будет в прошлом,
На море, под солнцем бунтующем,
Потерянная дорожка.
Наверно, бежал звон предутренний,
Спешил на поминки заката,
Да водорослями опутанный,
Споткнулся... и стал виноватым
В отсутствии радости уличной,
В отсутствии смеха домашнего
И в том, что просеяно будущее
сквозь дырочки сита вчерашнего.

В мой монастырь
Со своим уставом
Приходит замшелой бродяжкой
Усталость.
Косит веселья душистые травы,
Обрекает восторг на расправу,
В каждой секунде усталости - обморок
Того, что пронзительно
Чисто и дорого...

СВИДЕТЕЛЬ

Кто-то должен остаться свидетелем жизни –
Симпатий, радости, боли (но не оргазма).
Кто-то должен разделять твое одиночество,
О котором сложено столько стихов

(понятых и непонятых),

О которое столько стаканов разбито

(радужных и граненых),

Над которым столько ночей проплакано

(бархатных и суконных),

У которого нет лица и нет тела,

Но есть движение в сторону каждого существа,

Что пока еще дышит...

Кто-то должен остаться свидетелем жизни

И момента прекращения вдохов и выдохов.

Кто-то должен разделить твое одиночество,

О которое бьются молитвы служителя культа

(выпившего бесплатный кагор для причастия ближних),

О котором догадываются резвящиеся потоп зарлепс'ы

В старых садах, оставленных на разграбление осенью,

Над которым будут трудиться опарыши,

Превращая твою оболочку в источник энергии для себя

В нижних слоях смирения потревоженной почвы.

Воскрешение Чингисхана,

Пришествие Дракулы, Влада III,

Оргии Елизаветы Батори с безумным карликом,

по совместительству – мясником,

Рождение новых гуситов,

Опрокинутость Чаши,

Копье, потерявшее сломанность (словно невинность)

Сотню романов назад,

Стянувшее свой перелом лоскутом человеческой кожи,

Все это –

просто забава для входящих и выходящих,

Для прибывающих и убывающих с вокзала личной истории,

Все это –

Заполнение паузы между печальными датами,

Между маминой колыбельной и заезженным

до неприличия маршем Шопена...

Не ленись.

Запасайся не сахаром и не спичками

и даже не носовыми платками.

Запасайся СВИДЕТЕЛЕМ ТВОЕЙ ЖИЗНИ.

Но проверь у него документы на свет и на тьму –

Вдруг проявится штамп о причастности к глобальному
потеплению

Твоего одиночества,

Расписанного под кохлому?

2006 г., сентябрь

ДАЛННЫЙ ОУЧАННЫЙ БАЮЗ

(написан под впечатлением от фильма Милоша Формана
«Народ против Ларри Флинта»)

Ты умрешь от СПИДа,
Утонешь в роскошной ванной...
Алым – впалый рот
Во все лицо
Соблазнительной рваной раной...

Бэби, бэби, ты – стерва.
Ты, как всегда, потаскуха и сука.
Почему я должен быть вторым.
А ты – первой
Среди тех, кто пытается
Вываться из этого круга,
И уйти на ту сторону,
И уйти на ту сторону,
Где луна расправляет крылья
Фантастическим серым вороном
И уносит в клюве сердца
Без конца
Без конца
И без счета.
Возвратившись домой из полета
На ту сторону, крошка,
Каждый раз -
На ту сторону,
Где медведь и мужик,
Где медведь и мужик
Не то золотом, не то молотом
Ударяют по душам,

Разлукой распоротым?
Бэби, бэби, ты – стерва,
Ты, как всегда, потаскуха и сука...
Почему я должен быть вторым.
А ты – первой
Среди тех, кто пытается
Уйти молодым, не усюкнув
До смешного тандема «старик и старуха»?

И уйти на ту сторону,
И уйти на ту сторону,
Где солнце – во всю полноту лица,
Не захаркано и не заблевано
И плавит в своей черепушке сердца
Без конца,
Без конца
И без счета...
Возвратившись домой из полета.

Ты умрешь от СПИДа,
Утонешь в роскошной ванной...

Ни камней,
 Ни семян -
 Только ветер в руках,
 Да паутина беды на ладонях...

Одни оседлали бурю,
 Другие поймали радугу,
 Третьи пришпорили ветер...
 Одни получили пулю,
 Вторые - грязь, а не патоку,
 Третьих - сам ветер высек
 Старенькой плетью,
 Вот такой рок-н-ролл...

Услышать, как цветет лимон,
 Услышать, как цветет яблоня,
 Услышать готовность к цветению старенькой вишни
 И уйти в зеркало,
 Оставив правый башмак на пороге,
 А левый - забросив
 За нить паутины Луны...

М. Павичу

САУНДТРЕКИ К ДНЯМ НЕДЕЛИ READY. STEADY. GO.

(понедельник)

Великий Отшельник и Малый Отшельник
 С лицами белее школьного мела
 Из школьной коробки,
 Спрятанной завучем со звучной фамилией
 Бочко-Приходько...

– Итак,

Великий Отшельник («В») и Малый Отшельник («М»)
 Под присмотром Девятой Луны –

– то ли с конца,

– то ли с начала

моего пребывания в оболочке
 сомнений об уместности собственного существования
 по эту сторону гремучей реальности –
 Затеяли игру в Жемчужные пряжки.

Границы жасминовых зарослей
 Ощетинились сухостью веток,
 Забывших о том, как потеет Садовник,
 Молящийся их нерушимости.

Отшельники и листья негнущихся лилий
 Вступили в вечное противоречие:
 Надуманное VS. Всего Поющего по велению жизни
 вне любого терновника.

Паучьи лапы растений, ненавидящих сталь,
 Схватили Собеседников Неба за то,
 что когда-то было плащами,

А теперь называлось «основой для крыльев».
 Так началось Превращение Этого Времени Суток.
 Время Суток Отшельника «В» («Великий»):

Восходит секретом лотоса,

Стебель которого перекусила
 рыба буддийского созерцания «Чань».

Время суток Отшельника «М» («Малый»):

Превращает его в мизинец монарха без трона,
Фантаста без имени & издательства,
Бомбиста наземного царства,
Бомбиста пришедшего века
(на полосатой робе столетия –
номер приговоренного к смерти
в концлагере секунд и часов).

Век начинает свой танец с конвульсий,
Покрывшись ожогами бунта в Париже –
датировка бесстыдства «Осень, 05» –
Не путать с емкостью 0.5 л, заполненной напитком,
Веселящим сердца и желудки).

Храм в Тушане закрыт.
Без ведома белого месяца,
Что становится желтым лицом
Императора такой-то династии,
Без личного телефона

и

Кофеварки,
Но с правом вождения транспортных средств
по звездным

угодьям.

Тени монахов понуро бредут
По мосткам через пропасть –
В изгнание,
В горло Кувшина Забвения,
Смотрящего на рождение хайвзя
(Hi, way!).

Тени срываются вниз. Одна за другой.

Беззвучно –

Но –

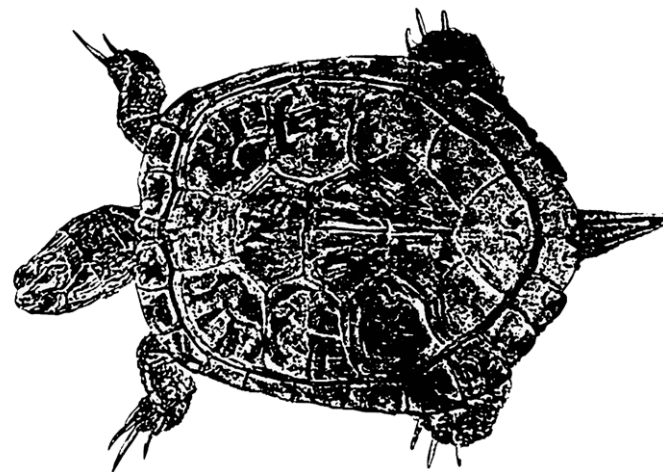
Окончательно.

Но, подчиняясь Принципу Солидарности Воды и Воздуха,
Камня и Чувства Прекрасного,
Химеры Собора Матери Бога
(еще раз распятого Гиббсоном*
и готового к пыткам Бортко по Булгакову**)

принимают решение о самоубийстве,
просматривая навывлет обреченность Цивилизации...

Ready! (Громко) – Ready... (Эхом)
Steady! (Громко) – Steady... (Эхом)
– Go.

Во что превратится эхо,
Если его лишить права голоса на общем собрании звуков?

* М. Гиббсон, американский киноактер, почувствовавший себя кинорежиссером.
Снял нашумевший фильм «Страсти Христовы».

** Речь идет об очередной киноверсии романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», режиссер Т. Бортко.

СЕРЕДИНА

(среда)

Наши головы - в лунках на поле для гольфа,
Гольфстрим превращается в чью-то фамилию,
На обложке "Плейбоя" распятая Сольвейг,
Любительница ботекса, стволовых клеток и пилинга.

Ощущение повтора немых кинофильмов...
Тапер - не тапер, а Фаина Раневская.
Шик мундира СС - это ново и стильно,
Особенно когда идешь - не спеша - с дамой по Невскому.

Средине недели всегда драматична,
Опять понимаешь, что время упущено,
А ты все еще та же серая личность
И нечего надеяться, что жизнь твоя катится к лучшему...

Среда, среда, середина...
Вроде бы вытащила неделя хвост свой длинный
Из грязи, в которой князья и холопы
Сидят на корточках, глазами хлопают...
Да цепкий коготь среды увяз
Не в грязи, а в бетоне, застрял на раз.
Вытащит коготок - сломается лапа...
Как же среде теперь не заплакать?

Одна слеза среды равняется пяти слезам пятницы...
Как бы узнать, куда мир-то наш катится?

2006 г., сентябрь

МЫСЛЕТОК

(четверг)

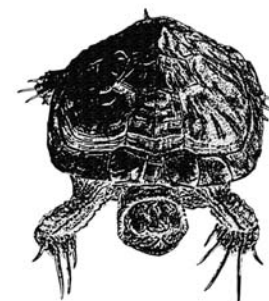
Книжный развал –
Мои мысли стекают в секретный подвал.
Водосток. Мыслесток –
(Когда-то был Вудсток или Вудсток).
Запад. Север. Восток.
Страстный Юг – вне системы.
В потолке ржавый крюк
Для отличников повседневного плена.
Паутина идей не дожевана
Беззубыми ртами
Древних гениев.

Да пребудет Охрана Сна с вами
(без хамства и лени),
Чтобы ваш документ был подписан Рассветом,
Не луной для gau-ragty одетой (раздетой?).

Ангелы-Демоны –
Мимо –
Как пули!
Догнали-поймали-убили – память вернули...

И остаешься один на один
С красным золотом совести.
Вот и все.
Весь четверг.
На сегодня такие новости!

2006 г., май

ОЖИДАНИЕ

(пятница)

Где-то прочитано:

Блаженны сумерки вечно предвоенной поры...

Все поры источают готовность к вечернему перезвону.

На губах – недосказанность газетных преданий.

В волосах – травинки мальчишеской дерзости.

Отведавшей вина из волнующих одуванчиков.

Постоянная предвоенность души –

Признак нашей земной усталости.

Она еще не дотянула до восьмерки.

Отправленной в нокаут бесконечностью.

Но уже пожожа на змею.

Кусающую собственный хвост –

Урборос! – Урборос! – Урборос!

(Раздербанизация всей России + американизация подрастающего
blank generation –

www. musiclab.ru.).

Грузия стремится стать дубликатом

набигмаченной Джорджии

минус чернокожее население штата.

Украина становится родиной диковинных апельсинов.

обижая Испанию качеством фрукта.

Прибалтика, очарованная комплексом узника Святой Елены

или острова ее имени.

Разбудит болонку легкого сожаления

о таинственном в разуме человека,

ждущего праздника лиго,

и фальшивости золота совести.

Где-то подсмотрено:

Блаженны сумерки вечно предвоенной поры.

Ожидание взрывов.

Пакеты с мусором.

истерзаннные тополиной веткой

псевдобдительным патрулем.

Ожидание проверки паспортов

в подземных хоробах еще не Харона

(все реки загнаны в трубы

ради организации движения людских душетел).

Ожидание гипертонического криза

у старой соседки – звезды тонкогубого КГБ

в период расцвета эпохи расстрелов.

Ожидание звонка музыкантов.

увязших ногами в бетоне стабильного консерватизма.

Ожидание разрыва на всех линиях связи

с рекламной реальностью...

Но – ведь сказано! –

блаженность сумерек вечно предвоенной поры

Нейтрализует порывы и выверты ветра эмоций.

Компас (или компас) сходит с ума.

Превращаясь в часы фирмы Swatch

на розовом ремешке.

Розовый цвет – вызов серому обществу.

Фиксирую

Невозможность пребывания в качестве бога

На забытой богами планете.

Где так блаженны и сглажены сумерки

вечно предвоенной поры...

Розанов в качестве призрака

глядит с укоризной

и пытается сдвинуть

коробок, полный газовых спичек...

«Легкие передышки в смысле свободы
длились минуты...
И на минуту свободы приходилось
столетие несвободы»...***

Ах, какая музыка пятницы!

Отстранение Великого Бога
От человеческих дел
Равносильно убийству.
Множество ушлых божков
Претендует на заоблачный трон.
Психоаналитики складывают
ладони домиком
И витийствуют.
Активизируя неврозы пациентов
И причиняя разуму
Несомненный урон.

История духа скрывает
От настойчивых экстремалов
Свою глубину...
Додумаешься сам – поведай соседу.
Почему все так.

Почему?

2006 г., июль

*** Цитата из работы Василия Васильевича Розанова (1856-1919) «Апокалипсис нашего времени».

ФЛЕЙТА

(вариации на тему рассказа
Шомаша Колодзейчака «Ночной концерт»)

Сыграй на флейте.
Извлеки тот самый звук,
который так похож на голос ветра,
Колдующего с ивовой косой
И косо падающими каплями рассвета -
В оранжевых глазах моих прочтешь
И счастье, и покорность, и готовность
вновь стать ручным зверьком
и слушать шелест речи.
по-своему все понимая и храня тебе
невиданную во Вселенной верность.

Цветы – невинны.
И невинен ты, явившись на далекую планету не по велению
сердца.
Я прощу...
Но эта флейта
тебя ждала,
убив свой дух песком
до времени прилета астронавтов.

Сыграй на ней – и шерсть не встанет дыбом
у тех, кто потерял привычный дом
и ласку
казавшихся бессмертными хозяев.
Хотели мы клыками перерезать горло.
Когда ты скинешь неуклюжий свой скафандр.
Но... звуки... этой флейты...
Звуки...
Флейты...
Вожак уткнулся мордой в серебристые колени.
И мы телами очертили круг повиновенья Новому Герою.

Ты вновь вернул наш мир,
волшебный запах рук, дающих пищу!

2006 г., ноябрь

ДИПТИХ

1.

Наша религия – Телевидение,
Где Бог наравне с геем
выходит на финишную прямую
И батарейка Duracell
дает ему новый шанс...
Модель души по принципу домино –
черная поверхность и белый парик.
Или белый парик и эбонитовый глянец.

Алексия политиков
и улыбка народов Востока
на фоне афганских гор,
передозированных невозмутимым муллой.
Звезды запотели от дыхания астронавтов
И нефритовый заяц
Предлагает им замшу
Для протирки
Запотевших очков...

... Во Дворце Тотальной Проклады
Председатель Мао Цзедун
Пьет жасминовый чай.

2.

Синие свечи переплавляются – самостоятельно –
в красные...
Стало быть, пророческим снам
запрещен вход в Обитель.
Складывать фразы не получается –
(просится матерное, разное).

Время – молчать, дать волю ушам,
в кресле стгорбиться зрителем.
Напяливать колпак внимания,
бить в ладоши в такт музыке.

От которой в другом состоянии
повесилась бы – полноте!
Если до сих пор осталась волчицей,
свободной от власти тузиков,
То неужели сегодня – под капельницу капитуляции
в закламленной комнате?!
Книги – не хлам, а – храм, лучше – Храмище
И богини Иштар, и Христа, и туманного Мерлина...
Мысли спрессованы так, что нет
для пыли пристанища.
А пространство наивно расшпилено
и луною поделено
На число квадратов, равное дням этой жизни.
Непродуманной, но придуманной
на три четверти бешеной терцией.
За разгадку – не ратуй! давние жалобы взвизгнут
И застынут афишными тумбами
на груди бывшей улицы спящего Герцена.

Уснув головой на Запад.
Сергей Шнуров (не ведая)
Усилил свой созидательный дух!***

*** –Энциклопедия ясновидения и колдовства» ясно дает понять, что если человек ложится спать головой на Запад, то его творческий потенциал многократно возрастает. А если спать при свете свечей синего цвета, сны будут пророческими. :))

Когда в щели сарая
 Пробивается свет,
 Я слизываю с пыльных стен
 Сахар восхода.
 Но
 Бечевки и проволока,
 Забытая дедом,
 Привязали меня
 К столбу между
 Крышей
 И
 Полем –
 Землею
 И
 Небом.
 Торопливая крыса,
 Сожравшая «Шторм»,
 Прибегает и гадит
 На томик Шекспира –
 Сон в летнюю ночь
 Превращается в зимний кошмар
 Умиравших в тундре оленей...
 Полоска света
 Смещается ниже,
 Деление стакана
 На порции для свиньи и матроса
 Выплывает из детства,
 Где дым египетских сигарет
 Еще
 Не шептал о судьбе
 Фараона на картах Таро,
 Где стаканчик мороженого и семечки
 Стоили всех стриптиз-баров
 И «Thank You»...
 Дворняга по кличке Шекспир
 Гоняет блох
 На пороге сарая...

2003 г., июль

ТЫ БРОСИЛ ШКОЛУ

Ты бросил школу,
 Стал модным ди-джем.
 Мамаша лезет на стену,
 Мамка просто звереет,
 У нее новый муж –
 По счету сто первый,
 Ей надо выглядеть
 Розовым пупсом.
 Ты портишь ей нервы...

Твой папаша –
 Любитель жизни, как ты –
 Весь в ярких тату:
 Рожи, сиськи, хвосты.
 Он играет в рок-группе,
 Матерится по ходу.
 Дед пел в хоре церковном –
 Знай нашу породу!

Твои поганки-подружки
 На тоненьких ножках
 Дуют пиво в подъездах,
 Вопят, как сексуальные кошки.
 Твой приятель Димон
 Вышел вон из окна,
 Но орел из него получился –
 Беда...

Кто-то в танке сторел,
 Кто-то сгинул в подвале,
 Кто-то налысо бреется –
 В нацисты позвали.
 А из тебя дядьки в черном
 Выдувают мозги –
 Мозги местным жителям не нужны.
 Дядьки в черных плащах,

В плотных черных перчатках
Режут скальпелем
Тонкие нити украдкой.
Это нити-антенны.
Это связь с космодроном.
Который

Пока
Ты зовешь «космодремом» –
Оттуда идеи летят звездным комом.

Без этой нитки, что идет от макушки,
Ты станешь сыном обычной кукушки.
Ты станешь мясом для чокнутой пушки.
Ты станешь мышью в поганой ловушке.
Ты станешь простым пожирателем пива.
Который занят процессом

Залива и слива
Под каждым кустом, за мусорным баком.
Ты станешь болваном под кличкой «Вакуум»
На радость

умным
бродячим
собакам.

ХАКЕРЫ (ПРОВОКАЦИЯ)

Попытка – коннект – нет коннекта
Попытка – коннект – нет коннекта
Коннект

Запускай вирус в сеть
Пока не пришло ФБР
Запускай вирус в сеть
Пока не пришло ЦРУ
Запускай вирус в сеть
Пока не пришли из ЧК
Запускай вирус в сеть
Пока не пришла ФСБ
Запускай вирус в сеть
Пока не пришел КГБ

Коннект – коннект – нет коннекта
Коннект-коннект-коннект

Мир хакерам! – Это провокация.
Хлеб хакерам! – Это провокация.
Соль хакерам! – Это провокация.
Земля хакерам! – Это провокация.
Чай хакерам! – Это провокация.
Пиво хакерам! – Это провокация.
Водку хакерам! – Это провокация.
Текилу хакерам! – Это провокация.
А травку хакерам? – Ит'с импоссибл, пипл, ит'с импоссибл!

**Запускай вирус в сеть...
Пока...**

**ФБР.
ЦРУ.
ЧК.
ФСБ.
КГБ.
Пока...**

**Дисконнект – дисконнект – дисконнет.
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КРИЗИС!**

**забытая дорога судьбы.
Затертые до белизны столбы.
Все, что в будущем, –
То, что было в прошлом, –
Сломаны крылья
Об антенны на крышах.
Тошно.
Да крика не слышно.
По перышку –
Воронам в гнездо
И голубю – корону.
Повезло!
Все, что в будущем – бушующем,
То, что было в прошлом...
Крадется азартная кошка
Трехцветной шерсти
По антеннам
На крышах.
Можно.
Да крик мой
Внизу не слышен...**

2002 г., июль

ГОЛАЯ ПРАВДА

Голая правда... – фу, как некрасиво!
Особенно если она бредет по Тверской с бутылкой дешевого пива
И кланчит на жизнь у солидных прохожих.
Одни дают ей червонец с брезгливой рожей,
Другие носы зажимают перстами
И – прочь (скособочась) – она им: «Фиг с вами!»
Правдивая кожа свисает некрасивыми складками,
Волосенки прилипли ко лбу обнищавшими прядками,
В животе у нее – нескладухи и громкие неполадки,
То ли острого много жрет, то ли сладкого.
Одна нога короче другой,
Один глаз зрячий. Второй – слепой.
На ушах – лапша «Доширак» с креветками.
Какие же чудаки на букву «м» считались у правды предками?
Голейшая правда – ни веревки, ни мыла,
Но в такой наготе ей живет счастливо –
Ничего не взять, не отнять, не украсть –
Как рявкнет Могучую Истину и в подворотню – шасты!
Мент свистит – обсвистится – на кой черт ей светиться?

Голая правда

По Тверской

Вниз свинтила.

Вроде нет ничего.

Вроде кое-что было.

2006 г., июль-ноябрь

ОКОЛАЧИВАТЕЛЬ ГРУШ

Стареющий рок-кумир
говорил о Боге,
А я смотрела на его
кавалерийские ноги,
И кривизна этих дивных кумировых ног
Настраивала меня на другую волну –
какой же тут Бог!
Стареющий рок-кумир
говорил о душах,
А я смотрела на его волосатые уши.
И волосатость двух кумировых славных ушей
Склоняла мой организм к беспробудному сну
в объятьях вещей...

Через год у кумира

Появится плешка,

Он вставит клыки,

Чтобы щелкать орешки,

Но он все равно

Превратится в обычную пешку,

Которую в спешке

Размагнитит

Сидюшный леший-потешник

(живот на тележке).

Ни Бога тебе,

И ни душ!

Вместо кумира –

Околачиватель прошлогодного секса

Да ворованных груш.

Почувствуй вибрацию слова,
Вибрацию, а не смысл!
Представь, как ты снова и снова
Штурмуешь враждебную высь,
Которая любит покорных,
Не бешеных бунтарей
И кормит с руки поп-корном
Зачатых в пробирке детей,
И концентрирует глупость
В отдельно взятом мирке,
Где каждый привычно и тупо
Болтается на поводке,
Где вор прославляет вора,
Тюремная песня – вот гимн!
Где из привычного сора
Стихи не растут – прет гниль.

Сгущаются краски в дороге.
Урождая полотно.
Все больше работы у Бога –
Из слез наших делать вино.

2006 г., сентябрь

Памяти Джорджа ХАРРИСОНА

Прощай, Джордж...
Твое облако номер 9
    Проплывает над Гангом.
А мои облака
    Пока
        На приколе –
Они ниже и тише рангом.
Провисают дождем
    Над не убраным
        Русским полем.

Прощай, Джордж...

Колокольчик Валдая
Ничего о тебе не знает,
Но душой понимает,
Что мы ритм потеряли
В бедламе

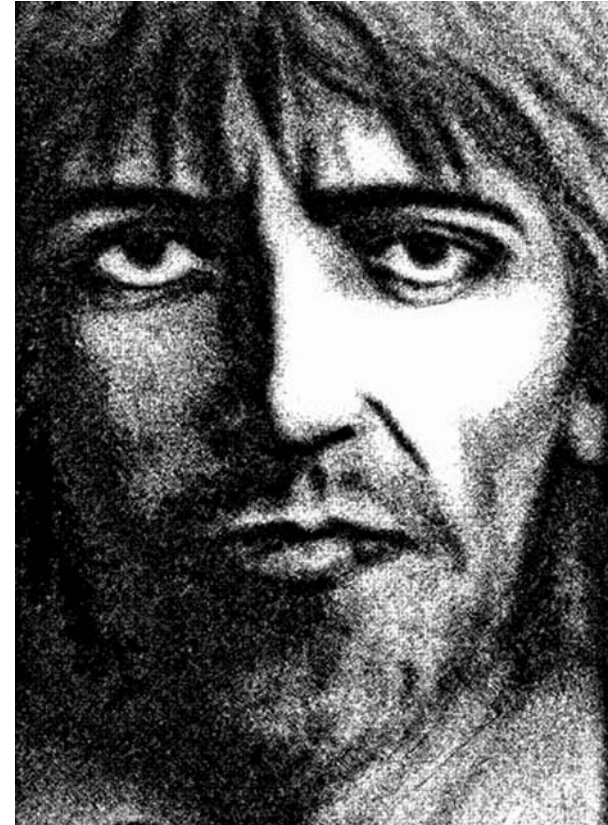
Калифорнийского рая.

Прощай, Джордж...

Ты теперь просто пепел,
Ты теперь просто ветер,
Ты теперь слишком светел,
Чтоб ходить по земле
    Да гулять по росе
        норвежских лесов,
Не замечая бега часов,
Не разбирая дороги...

Танцуй на ладонях Бога,
Танцуй на ладонях Бога!

Настоящего – в жизни немного,
Настоящих – в жизни немного...

Ты –
    один из последних.
Ты –
    вышел.
Прощай, Джордж!
Твое облако –
        номер 9.
        Харе Кришна.

КИТАЙСКАЯ ГОСТИНАЯ — 2

(«Китайская гостиная - 1» см. в «Слезай с моего облака»)

Ослепительно горное озеро
с высоты золоченого Будды.
Черепаший панцирь опрокинут для ловли неба.

***

Струйка дыма растворяется в воздухе,
Курительная палочка умирает.
На небе – Бог домашнего очага.

***

Проводы «демонов бедности» –
праздник мгновений.

Обойдут вокруг дома
и снова –

То в дверь,
То в окно.

Женщина в стареньком кимоно
Собирает рассыпанный вечером рис.

***

Иероглифы сливаются в целое,
Звуки сливаются в музыку.
Подушечкой пальца рожден
лепесток нежной сливы.

Здравствуй, здравствуй, Сестра Дождя,
 В семицветных нарядах,
 Отпусти своих овечек на волю, порадуй,
 Разорви веревку, не связывай.
 Покатай на белых скакунах,
 Да правду сказывай –
 О брате Ветре, гоняющем тучи,
 О брате Громе, пустом, но могучем,
 О сестрице Воде, что поможет в беде,
 И о трех белых молниях
 Словечко замолви.
 Здравствуй, здравствуй, Сестра Дождя,
 Улыбнись-ка земным гостям!

Деревянная игуана за витриной
 экзотической лавки
 Молча смотри на деревянную
 индонезийскую кошку.
 В центре Москвы.
 Они говорят совсем на другом языке,
 В котором нет слова «Спаситель».

ОБМАНУТАЯ РАДУГОЙ

На расстоянии протянутой руки –
 Ни сильных плеч, ни теплых губ,
 Непробиваема броня тоски
 И ненавистен лес дымящих труб.

Обманутая радугой, иду,
 Не зная сна, не помня слов...
 По тротуару, кажется – по льду,
 Под пение нездешних соловьев.

ГДЕТО

Где-то умер старик,
 Где-то пролаял пес...
 Отгороженность от мира увлекает
 Искусственной дрожью звезд.
 Террорист лезет в клев,
 Чтобы взорвать овцу –
 Растворженность людской бегущей стаи
 Огнем зажигалки – к лицу.

Отвращение не помогает.

Умер старик.
 Пес пролаял,
 Что-то внутри у меня обрывая.
 Но что конкретно – не знаю!
 НЕ ЗНАЮ.
 Ярость слишком сильное чувство
 Для тонущих в городе.
 Ее надо уметь добывать,
 Высекая из камня.
 Небо ползет. С брюхом распоротым.
 Не выносив, как положено,
 Ребенка – небесную тайну.

2004 г.

ПРОСТО

Просто у жизни прошу,
У зеленого гибкого стебля,
У надменного белого лебедя,
У мелодии чистой и нежной,
Просто у жизни прошу –
Пусть не гаснет огонь в очаге
В дни любви и покоя не гаснет,
Пусть трепещет огонь в очаге
В дни тревог и нашествий ненастья,
Пусть нас греет огонь в очаге.

Я у жизни немного прошу
У песчаной обычной отмели
У таинственной чащи леса,
У горы, разрывающей небо,
Просто у жизни прошу –
Сохрани ярким мир мой недолгий,
Сохрани добрым мир мой недолгий,
Сохрани молодым мир недолгий,
Я у жизни немного прошу,
У росы, охлаждающей листья,
У росы, спящей в тайне жасмина,
У росы, умывающей сокола,
Пусть не будет мне мукой разлука,
Песней станет моей ожиданье.

Разве много у жизни прошу?
У зеленого гибкого стебля?
У притихшего белого лебедя?
У горы, разрывающей небо?

Сохрани красоту наших слов
Для двоих, обрученных мечтою,
Для двоих, пьющих сок тростниковый
На пустынной твоей дороге...

Я немного от жизни прошу,
Ничего мне от смерти не надо...

1978 г. , февраль

СЕКРЕТНЫЕ ФАЙЛЫ.
ФРАГМЕНТЫ РУКОПИСИ
«АРНА МАРГАРИТЫ — 2»

*«... треснувший череп рассыпался в прах, а тот лучик света,
что был подлинной Линдой, покинул свой старый сосуд и уторхнул
на небо, где сел — словно маленькая желтенькая птичка, знающая все
песни — по правую руку своего бога»...*

Д. Кроунленд, «Generation ИКС»

Поколение ИКС – поколение в очередной раз непонятых, неразгаданных личностей, родившихся после взрыва дьявольских бомб в Хиросиме и Нагасаки. На дворе стоял, бросаясь звездами, мой любимый август месяц, когда американцы сбросили на головы ничего не подозревающих японцев созревшие плоды тогдашней передовой науки. Один из летчиков (не утверждаю, а лишь предполагаю) напевал популярную в полку песенку о сладкой, словно ягодный десерт, девчонке. Чпок! Где-то в Африке кокос упал на землю и издал сладкий, глуховатый звук. Чпок! А в тайге упала на хвойный ковер незадачливая шишка, придавив парочку трудоголиков-муравьев. Чпоккк! Эхо взрывов прокатилось по островам, завернулось невиданным валиком, ложась под голову тени индийского императора Ашоки, мечтавшего когда-то запретить использовать человеческий разум во зло самим себе... Не было ничего удивительного в том, что тень Ашоки в тот летний день находилась в небе над Японией, – тени гуляют везде, где им вздумается. Один фантазер как-то рассказывал мне о промерзшем до синевы отзвуке композитора Гектора Берлиоза, зацепившегося за облако в районе Южного полюса и повергшего в ступор своей неуклюжестью сотню тамошних благородных пингвинов...

Чпок! Мгновенно испарились слезы, вода закипела в родниках, какие-то камни расплавились, какие-то нет, на некоторых огромными печатями остались контуры человеческих тел. Оставшимся в живых жителям этих японских городов было суждено еще долго мучиться от прикосновения лучей неожиданно размножившегося солнца. Один из дисциплинированных пилотов, выполнявших в тот день жестокий приказ, сошел с ума. Наверняка не тот, кто пел песенку о сладкой девчонке. Поющие

убийцы сами с ума не сходят – сумасшествие чуть позже накрывает своими хитроумно сплетенными сетями их потомков, превращая в самоубийц.

Один за одним умирали уцелевшие в те два дня обитатели Хиросимы и Нагасаки, один за другим появлялись на свет те, кто чуть позже сформирует разношерстную армию поколения Икс.

Икс – две скрещенные японские палочки для еды, две скрещенные барабанные палочки, две скрещенные куриные косточки, два скрещенных карандаша, две скрещенные тонкие церковные свечки, две скрещенные обычные школьные линейки. Две доски, крест-накрест заколотившие окна старого дома с разрушающимся фундаментом. Или – перекрывшие доступ к душе человека. Вот с такой, пускай невидимой, крестовиной мы и путешествовали по свету по прямым лестницам, идущим вверх, по винтовым лестницам, зовущим вниз, стремительно съезжали по перилам, или летели не хуже пущенной из лука стрелы, получив очередной пинок под зад от действительности. Поколение, которое в очередной раз не желало мириться с окружающей реальностью, и придумывающее свой мир, доводя порой очень рискованными исканиями и экспериментами до нервных припадков и сердечных приступов родителей. Которые, кстати, в свое время тоже были ПОРЯДОЧНЫМИ ИКСАМИ (но – до эпохи Первого Атомного Чпока).

Если призадуматься, то поймешь, что все история человечества помечена не только могильными крестами, но и такими вот иксами. Джордано Бруно точно был представителем своего поколения Икс. А на маэстро Леонардо да Винчи живого места не найти... столько на всех частях тела этих крестиков понаставлено...

Утомленные исканиями истин, мистическими опытами, поисками откровения в групповом сексе, графоманскими суицидами, иксики обычно прибывают каждый к уготованному ему берегу. Одни в Индии торгуют травой, открыто нарушая действующее в стране священных коров и бетеля законодательство, другие продолжают бузотерить в родных пенатах, но делают это уже по-детски наивно. Третьи, зашторив окна, включают видео, и погружаются в прошлое, кайфуют от этого погружения и не желают ни за что всплывать. К ним приходят четвертые, такие же, принося с собой запах пыльных кладовок, полки которых забиты старыми, некогда запрещенными, журналами и книгами. И начинается бесконечная, казалось бы, беседа... О, такие беседы – это ритуал, но .... Поговорим об этом при следующей встрече у старой оливы.

С Поколением Икс разобрались все: и журналисты, и писатели, и социологи, и психологи, и наркологи. Только не само Поколение.

Следующее поколение я бы назвала «YZ», generation с двумя неизвестными, потому что в это определение входят представители обоих полов: мужского и женского. Каждый по-своему загадочен, каждый по-своему не узан. И одна противоположность ни черта не понимает в другой противоположности, хотя научный прогресс вооружил всех до зубов и выше.

Многие «у» и «z» находятся в странном состоянии. Назвать его «подвешенным», значит, не сказать ничего. То ли это «пост-юность», то ли «кризис пред-зрелости» (чуть было не написала «пред-старости»:)). Уже не устраивает то, что тебе предлагают по привычке со шведского стола перестроенной фабрики удовольствий. А, смотря на аккуратно причесанного человека невысокого роста, вещающего за толстым стеклом сформировавшейся за долгие годы нигилизма отстраненности, о победе демократии в нашей стране, невольно вспоминается гофмановский Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер. И тут же ловишь себя на мысли, что малыш-то силен в самбо и дзю-до (фантазии несутся, обгоняя друг друга), а значит – в курсе существования второй книги Комитета «Девяти Неизвестных», в которой говорилось о возможности убийства человека лишь одним прикосновением к нему. Нервный импульс – и тот же апокалипсис, только местного масштаба, для отдельно взятого индивидуума.

Пора слушать долгими зимними вечерами божественного Моцарта (хрустальная люстра – длинь-длиннь – отражается в полировке старого стола, будто бы сама падает себе же навстречу под звуки «Маленькой Ночной Серенады» и – никакого «Реквиема»)...

Пора болтать при свечах, но без свидетелей, с Иммануилом Кантом, обрекшим себя на одиночество в тихом, отдаленном уголке Кенигсберга, и в результате распития пары бутылок легкого церковного вина согласиться с Великим философом: «Да, перед нами нет ничего иного, что готовило бы нас сейчас к нашей участи в будущем мире, кроме приговора собственной совести...».

Пора, наконец, разобраться с рекой Ганг, в которой столько заразы плавают, а никакая дрянь ни одному здоровому человеку, совершающему там омовения, не пристаёт. Искупаешься в Брахмапутре или в Амазонке какой-нибудь – обязательно пупырями покроешься или безымянные червяки начнут из всех дырок на

твоим теле вылезать... А здесь и коровы тебе со своими лепешками, и псы блохастые, и старики прокаженные, а кто был невредим, тот из воды невредимым и вылезает. А пепел и не до конца прогоревшие кости погребальных костров, которые брахманы или заведующие похоронными процедурами спровожают в Ганг? Неужели действительно из тайного храма, затерянного в глубинах реки, исходит очищающее излучение? Радиоактивное?

ЧПОК! Полный засор в поколенческих мозгах.

По нахально мерцающему телеэкрану нагло вихляя накладной попой и тряся нереально огромным накладным бюстом дефилирует Некто в сопровождении так называемого кордебалета. Пахнет отменной украинской горилкой...

Бедняга Моцарт поспешно смахивает нотные листки на пол, и, заламывая белые руки, исчезает в антикантовской бесконечности. Сам философ довольно резво для своего преклонного возраста срывается с места, чертыхаясь, таранит железную дверь... За ним несется его верный слуга Лампе, потрясая длиннущим зонтом: «Герр профессор, герр профессор! Ви простужайся, их бин страдайт!» Или что-то в этом роде. Немецкий язык мне всегда был чужд.

*Мы в закрытом лифте — падаем с небес,
А диспетчер паузу взял...
Паники не видно, но нам не по себе,
Так еще никто не летал!
Летим, летим в лифте,
Не знаю, сколько этажей,
Мимо нас — картинки всех цветов —
Без титров и лиц вождей.*

*Между землей и небом —
Лифт на обрывках троса,
Между землей и небом
Поколение YZ,
Музыка — вместо хлеба,
К жизни — одни вопросы,
Но между землей и небом
Ощущенья смерти нет...*

*Мы хотели смысла — он ушел в песок,
Кто заметил — тот промолчал,*

*Мы мутили воду — думали — впрок,
Да ручей в жару грязью стал,
Играй, играй песни —
Дай Бог, запомнится одна!
Но сейчас, ты словно астронавт,
А под ногой твоей — Луна...*

*Было такое — вон, всю душу — вон,
И не любовь спасала, не стаканов звон,
А голос Шамана Рока...
И пошел отсчет —
Пальцы поймали кайф,
Плавя звуков лед...*

*Между землей и небом —
Лифт на обрывках троса,
Между землей и небом —
Поколение YZ,
Музыка — вместо хлеба,
Жизнь иногда несносна,
Но между землей и небом
Ощущенья смерти нет...*

Образ такого лифта, висящего на обрывках троса, преследовал меня лет десять. Если не пятнадцать... Или двадцать? Вру, тридцать. Тридцать лет. С того момента, когда я увидела клип группы AEROSMITH — музыканты в шикарных одеждах, ярких плащах, обтягивающих штанах в компании с какими-то подозрительными, видимо, сильно пьющими или обкокаиненными карликами врывались в блестящее лифтовое устройство, затаскивали туда со всякими гнусными целями местных красавиц — дотрог (бывают красавицы-недотроги, а эти — наоборот, без «не»). Вокалист Стив Тайлер, у которого во избежание несчастных случаев челюсти крепились к черепу специальными титановыми крючками, так разевал в песенном угаре свою пасть итальянского происхождения, что любой гастроэнтеролог мог безошибочно поставить бедняге экспресс-диагноз: эрозивный гастрит, гастродуоденит, предъязвенное состояние желудка в результате

поглощения всяких вредных для организма веществ в жидком и твердом виде. А также – в порошкообразном.

Но вид старого, дребезжащего на все лады ящика потряс мое воображение, и только потом до меня дошло почему это случилось – все мы, игреки и зэты, с рождения болтаемся в подобном лифте. Пока мы послушны, добропорядочны, и с благодарностью принимаем черное за белое, белое за черное, сахар за соль, а соль за сахар – как прикажут! – все тросы на месте, обслуживание своевременно, диспетчеры четко несут свою службу и не дадут тебе задохнуться во внезапно зависшей между этажами кабине. Стоит взбрыкнуть, сойти с общей тропе к водопою, придвинуть поближе настоящий сахар и отодвинуть подальше настоящую соль – чпоук-чпоук-чпоук – невидимый ворон острым клювом перекусывает один трос за другим...

Стихотворение писалось на «рыбу», предложенную Аликом Грановский в период его очередного обращения к созданию сольного альбома. По слухам альбом этот писался очень давно, лет пять. Легендарный бас-гитарист все никак не мог сказать категорическое «да» самому себе – «да, ты, Грановский, должен выпустить сольник!». «Рыб» было несколько, времени, как всегда, в обрез.

Совершенно случайно мне попался на глаза обрывок старого конверта, на котором было нацарапано сломанным карандашом отвратительно морковного цвета : «Трос оборвался, и лифт шмякнулся»...

FLASHBACK

– Во сне я видела твоего племянника, Марго, – сероглазая приятельница задумчиво потерла кончик вполне сухого не по осеннему сезону носа, – он ехал в лифте с какой-то компанией. Их там было как сельдей в бочке. И, представляешь, трос оборвался, и вся компания разбилась. В лепешку. В хлам.

– И Петя? – тихо спросила я, чувствуя, как мурашки бегут по спине к затылку и завязываются там в крепкий узел. Приятельница кивнула головой и начала качать ногой в каком-то нелепом белом гольфе с красной каемкой... «Тик-так-тик-так, так-так, все-так», – говорили часы в гостиной, согласовывая свой механический разговор с амплитудой колебания ноги. От девушки отчаянно пахло старыми духами. Этот пряный тяжелый запах медленно обволакивал меня. Он него начало слегка подташнивать.

– Ты позвони, спроси, все ли у него в порядке. Паршивый сон, – нога в белом гольфе на секунду повисла в воздухе, словно раздумывая – качнуться ей еще разок или успокоиться.

Через неделю после этого разговора Петр разбился насмерть, выпав из окна своей квартиры в высотном доме в Крылатском. Погиб при загадочных обстоятельствах... Судя по содрванной на костяшках пальцев коже, его кто-то бил по рукам, когда он пытался ухватиться за подоконник.

*Ты шагнул из окна, потому что устал,
Ты устал вором слыть, хоть чужого не брал,
Ты устал врать и пить,
и проигрывать все деньги в карты.*

*В старом зеркале вдруг ты увидел себя –
Зверь, попавший в капкан, а долги — как петля,
Ты шагнул из окна — наугад,
прошептал слова прощания невнятно.*

*Не война, но смерть — рядом,
Не война — но глаза ест дым,
Не война — но ты солдат своей Беды!*

*У подруги твоей нет и шанса на свет,
Жизнь ее — пустота, странный танец и бред,
Быстро спустится вниз и увидит,
что с тобой случилось...
Черно-красный асфальт и разбито лицо,
И подруга твоя молча снимет кольцо,
Снимет с мертвой руки — как будто не любила...*

*Ты шагнул из окна и вопрос был решен-
Ты смелее других, у кого жизнь как стон,
Им осталось одно — волком вить,
в чужих отбросах рыться.
Бог тебя не простит — ты был должен терпеть,
А пошел против всех — взял в любовницы Смерть,*

*Бог тебя не поймет,
Я пойму —
Ты устал, самоубийца...
Не война, но смерть — рядом,
Не война — но глаза ест дым,
Не война — но ты солдат своей Беды!*

— Эти ситуации отрабатываются, понимаешь? Надо было тебе самой, не обязательно твоему племяннику, упасть, скажем, с дивана, — знаток Тимоти Лири и психоделической революции нервно ходил кругами вокруг квадратного журнального столика, — упала один раз, можно упасть еще раз. Тем самым ты отрабатываешь ситуацию, еще раз тебе повторяю, отрабатываешь ситуацию...

А я, зареванная, ничего толком не понимала — слова отскакивали от моего сознания, словно игрушечные резиновые пульки.

Знаток и переводчик одного из пророков славных хипповых времен, видя всю бесполезность своих рекомендаций, подхватил холщовый рюкзак, из которого предательски выглядывала «Тибетская книга мертвых» и вышел на лестничную площадку. «Лифт чего не вызываешь?» — хлюпая носом, спросила я. Парень бросил на меня испуганный взгляд и опрометью бросился вниз по ступенькам. «Ты что! — доносилось до меня уже снизу, — я этих тварей до смерти боюсь!».

Для успокоения собственной совести я все-таки три раза упала со своего невысокого дивана, испугав своего меланхолического пса. Хотя прекрасно понимала, что отрабатывать ситуацию было катастрофически поздно.

На улице в день Петиных похорон ко мне привязалась какая-то черная женщина, то ли цыганка из Калуги, то ли молдавская цыганка. «Горе, — сказала она вкрадчивым голосом, — у тебя большое. Родственника близкого потеряла. А вообще одна живешь, с мужем разошлась, дочь у тебя есть...». Слово в паспорт мой заглянула. Я кивала, хлюпала носом, после недолгих уговоров отдала ей золотую бабушкину сережку. «Не бойся, я у тебя ее не забираю, она у тебя внутри будет, вот сядешь за стол обедать, а она как изнутри стукнет... Часа в три... А ты мне банку варенья принеси. Я тебя здесь ждать буду в пять часов. Одной банки мне хватит». Часы, пользуясь моим лунатическим состоянием, не сняла, вторую сережку тоже почему-то оставила.

Словно в тумане, я поплелась домой, совершенно забыв о том, что в три часа сережка «стукнет». Стукнула да еще как! В

районе солнечного сплетения. Я даже подпрыгнула на стуле. Но за вареньем гадалка, естественно, не пришла — зря я по-честному ходила около трансформаторной будки с банкой в руках, но не зря приговаривала: «Ну какая же я дура, какая же я дура!».

... Тема песни на музыку Виталия Дубинина трансформировалась из сугубо личной в почти общественную, что, наверное, к лучшему. Так в 1994 году родилась «Паранойя» для альбома «Ночь короче дня». После расстрела первым президентом России собственного Парламента. Ощущение тревожности не проходит все эти годы, временами подозрительно усиливаясь. Или же я по старой привычке все чересчур драматизирую? Однако — загибайте пальцы — войны за кресты и за звезды продолжают, одну символику подменяют другой, грубо, похамски, корректируя историю. Здесь по-прежнему очень любят петь о душе, особенно подвыпив, и очень любят плевать в душу человека самыми изощренными способами... По-прежнему и в темноте, и при свете белого дня бродят маньяки, убивающие женщин, стариков, детей. Все так же на верхней палубе нашего «Титаника» новоявленная знать и подлиза-богема хвастает друг перед другом украшениями, толщиной своих кошельков, жрут и пьют в три горло, делая вид, что не видят крыс в трюмах корабля рядом с пассажирами третьего класса или, точнее, третьего сорта. А третьему сорту не хватает не только хлеба и воды, но и воздуха.

*Я работал как волк, но не выл на луну,
Каждый день я привык уходить на войну —
Здесь воюют всегда
За кресты, за звезды и за воздух.
В этой пьяной стране есть для каждого кнут,
Здесь поют о душе и в нее же плюют,
Как назло, как назло, как назло
Я понял слишком поздно...*

*Эта жизнь — не для белых,
Это жизнь — не для черных, нет,
Это жизнь без надежды на просвет!*

*Где-то любовь светла,
Где-то вода чиста,*

*И не стучится в дверь беда.
Где-то покой и свет,
Но только нас там нет,
Нам не бывать там никогда...*

*У подруги моей тоже собственный ад,
Но там нет ничего: ни чертей, ни огня,
Только страх темноты
И случайной встречи с незнакомцем.
Он — высок, он — жесток, он — полуночный маньяк,
У него — сто имен на газетных листах,
Он везде, он везде, он везде,
Как только сядет солнце...*

*Я вчера видел крыс — завтра грянет чума,
И пойдет пировать, поджигая дома,
Всем раздаст по кресту
И на Страшный Суд отправит строем...
Пир во время чумы, кто есть кто, не пойму!
Я бегу, чтобы жить,
А вокруг ликовет паранойя.*

Отдельный эпизод из жизни

– «Деточка, что у тебя за красные точки на ручках?» – трогательная еврейская бабушка ловит в свои объятия пробегающую мимо нее по коридору многонаселенной питерской коммуналки девушку. Та вырывается, болтает в воздухе ногами, пытается ухватить старушку за нос.

– «Да отпустите вы ее, бабуля», – тетка в неистребимом модой застиранном ситцевом халате раскуривает «беломорину» и ухмыляется, – «Вам здесь не Москва. Это блохи крысиные, они у нас тут всех детей кусают. Вон, вишь, пробежала, стервозина длиннохвостая».

Тетка ошибалась – стервозина длиннохвостая и не собиралась бежать, она спокойно шла, держа курс прямо на застывшую в изумлении добрейшую еврейскую бабушку. Крысиные глазки-бусинки отсвечивали недобрым красноватым светом.

– «И если...» – у старушки перехватило дыхание, срочно хотелось выпить корвалолу, – «а если кота... э-э-э... пригласить, ну кошек. Завести.»

– «Были у нас и кошки», – телеса под ситцевым халатом заколыхались в приступе гомерического хохота, – «ой, были кошки, бабуля, а какие котищи были! Одни сами сбежали, а других стервозины загрызли... Мы по ночам-то не спим, детей караулим. Они эти, длиннохвостые, на грудь дитю сядут и глядят, глядят на него... Словно соки жизненные пьют. Или к горлу примешаются, как хватить половчее».

Крыса остановилась у ног московской гостыи, обутых в теплые клетчатые тапочки, повела носом, подергала усами, и отправилась восвояси, не обращая внимания на бегающих по коридору детишек и плетущегося вдоль стены к сортиру древнего старика в исподнем... Питер, 2006 год.

Конец FLASHBACK' а

... было нацарапано сломанным карандашом отвратительно морковного цвета : «трос оборвался и лифт шмякнулся».

Грановский принял текст без каких-либо поправок, будучи сам до мозга костей представителем Поколения YZ. То есть он плавно перетек в эту категорию из Поколения X.

Не встретив никакого философско-лексического сопротивления мое воображение пошло в штыковую атаку. Сольное творчество уважаемого мною бас-гитариста неожиданно дало возможность посолировывать и мне!

Из глубины подсознания выползали на свет тени знаковых фигур, появившихся на Земле не без влияния Атомного Чпоука 1945 года. Наверху, там, где сходятся все миры и скрипит перьями Небесная Канцелярия, все было продумано до мелочей – разработан план ИНТЕЛ ПРОБУЖДЕНИЕ № 1 при полном перемирии всех девяти категорий ангелов и команды демонов, а также полуисторических сыновей Дьявола: Каина, Атиллы и Теодориха Великого, короля готов. Участие Великого Мерлина в этой ответственной операции многие исследователи наблюдаемого позже феномена Культурного Взрыва, ставят под сомнение. Ровно как и причастность к событиям послевоенной поры самого Люцифера: в те годы он был занят чрезвычайно важным для собственной репутации делом – поиском подлинного свидетельства о своем рождении с полным указанием имен и фамилий обоих родителей.

Жизни тысяч японцев послужили своеобразным жертвоприношением (почему выбрали именно этот народ, пока неизвестно). Иначе, если почва не полита кровью, ни одно семя истинно нового знания не взойдет, не даст плодов... Таков жестокий закон проявления экстраординарных процессов.

Радиоактивное излучение проникало во все, самые потаенные уголки планеты, в клетки организмов. Радиоактивная пыль оседала повсюду, хотя многие совершенно не ощущали ее присутствия. Незаметные для медицины изменения происходили и на генном уровне. И, как результат, – сколько поэтов, писателей, художников появилось в послевоенную пору! Сколько новых идей. И, наконец, сколько рок-музыкантов явилось на свет в конце сороковых – начале пятидесятих (The Beatles не в счет). Вот он, пожалуй, самый главный итог успешного осуществления плана ИНТЕЛ ПРОБУЖДЕНИЕ № 1. Изобретатели новой музыки, новой эстетики, харизматичные личности обязаны своей жизнью тому самому августовскому кошмару. И, как бы это кошунственно не звучало, проникающей радиации.

Повторения подобного эксперимента не планируется... Пока наблюдается регрессия – может, это новый разбег перед очередным прыжком вверх, может, это расплата за танцы Эпохи Нового Возрождения. Во всяком случае, жертвоприношение жителей японских островов оплачивается смертями порожденных им рок-музыкантов. Многие из них погибают от рака, загадочного заболевания, которое некоторые специалисты рассматривают, как реакцию инопланетных цивилизаций на тщетные старания человечества прочесть их messages. А некоторые умирают загадочной смертью.

Грановский, как любой уважающий себя длинноволосый товарищ, признавал, что музыка славных 60–70 покоилась на трех китах – ХДМ – Хендриксе, Джоплин и Моррисоне. Нынешние любители музыки могут морщить носы, фыркать, крутить пальцем у виска, плевать нам под ноги, отвергая кумиров прошлого. Стоит ли обращать на это внимание? Стоит ли тратить драгоценное время жизни на объяснение того, что очень скоро станет очевидным для нео-нигилистов?

Когда странной поэтической смертью умер Джим Моррисон, я написала для группы ВИСОКОСНОЕ ЛЕТО небольшой, совсем коротенький текст... Крис Кельми выходил на сцену в черном балахоне, с зажженной свечой в руках. Ставил свечу на орган и –

*Я.... ты.....
Обруч лета мчит в поля,
Колдун крадет стрелу созвездья лжи...*

*Ты... я...
Утро пьет прохладу гор,
Петух клюет в траве зерно зари...*

Песня называлась «Видения», зал застывал, очарованный таинственными звуками органа, приятный мороз пробежал по коже...

*Ты ...я...
Жажда солнца жжет поля,
Колдун крадет стеклянных лебедей*

Самым реальным персонажем в песне был, несомненно, пехух. Все остальные образы навевались музыкой THE DOORS. Особенно мне нравилось представлять, как мерзкий старикашка (прототип «арийского» Отшельника :))) спокойно, в полночь, проходит сквозь витрину лавки, торгующей всякими фарфоровыми китаянками, немецкими пастушками и зайчиками-попрыгайчиками, играющими на позолоченных трубах, и лихорадочно начинает засовывать в мешок стеклянных лебедей. Эти прозрачные уродцы нужны колдуну не для алхимических опытов и не для украшения садовых аккуратных газонов или дорожек. Вокруг его дома цветет-расцветает крапива и магическая бузина, не нуждающаяся в китчевых гусях с неестественно вытянутыми шеями. Все гораздо проще – раньше он прозаически наведывался в курятник к соседу и воровал то курицу, то десяток отменных крупных яиц. Да старость – не радость, кости болят, никакой распаренный вереск не помогает, забор у соседа высокий – пока перелезешь на ту сторону, Дьяволу душу без всякой подписи отдашь и последний балахон порвешь. А так – прошел себе спокойненько через витринное стекло, взял голубчиков за холодные шеи, а дома прочитал пару заклинаний, и вот уже заманчивый запах жареной дичи заставляет всех бродячих котов и собак округи сломя голову, исходя слюной, нестись со всех лап к дому колдуна...

Да, долг перед Моррисоном, кумиром тех дней, был мною выполнен. О посвящении Джоплин было думать рановато – на горизонте пока не нарисовалась та оторва с сумасшедшей энергетикой, которая могла бы озвучить мой message Дженис. Из триады «ХДМ» оставался Хендрикс. Тоже Джими.

*Злой зрачок солнца —
Жар по горло —
Город прячется в тень,
Глоток воды сердцу —
Дым, но без огня, —
Аккордом,
Тебя агенты ищут везде!
Агенты травы, успевшей стать уловом,
Пурпурно-темной слезой,
Агент бескрылых смуглых ангелов слова,
Что ты раскуришь,
Это слово — «любовь».*

*Твой поцелуй достался лишь небу,
Взамен —
От молний весь ток,
Не жизнь — а крик, взмах ресниц, как и не был, но...
Но в жизни — электрический Бог,
Ты дверь закрыл,
А ключ индейскому дал лету,
Где пляшет табор цыган,
Поджег гитару и исчез из поля света,
Бросил в окна нам
Пурпурный туман...*

*Хэй, Джими, как там, в солнечной пустыне?
Хэй, Джими, скоро дождь на землю хлынет?
Хэй, Джими, в небесах играют рок?
Хэй, Джими, брось-ка сверху серебро!*

*Твой поцелуй достается лишь небу —
Взамен —
От молний весь ток,
Не жизнь — а крик, взмах ресниц, как и не был, но ...
Но в жизни — электрический Бог,
В глухой тоске искал других, чтоб дать себе свободу,
И оставался один...
Любовь —
Всего лишь соло сердца до восхода,
Или — в сумерках —
Сандаловый дым... ****

Слова четко укладывались в пульсацию бас-гитары Алика, это подзадоривало, подгоняло, и я сама любовалась последней фразой не текста, а, скорее, стихотворения и повторяла ее, как мантру:

*** При написании текста использованы:

Названия: «Kiss The Sky», «Band of Gypsies», «Purple Haze». «Little Wing», фраза Хендрикса «The story of life is quicker than the wink of an eye...» из его последнего стихотворения.

*Любовь всего лишь соло сердца до восхода,
Или в сумерках сандаловый дым,
Любовь всего лишь соло сердца до восхода,
Или в сумерках сандаловый дым,
Любовь всего лишь соло....*

Джими всегда говорил, что будет чертовски рад, если после его смерти друзья устроят хорошую поминальную вечеринку. Музыканты арендовали зал. Собрали аппаратуру, инструменты и закатили Хендриксу отличную прощальную, или отходную: Бадди Майлз, Джонни Винтер, Митч и Ноэль Реддинг стали ядром многочасового джем-сейшена. Отпевала Джими почти та же компания, что гуляла и джемовала с ним в 1968 году в The Scene Club, хозяином которого был менеджер Джонни Винтера. Хендрикс частенько сюда заходил. Ему нравилась и атмосфера клуба, и по душе были сейшена, которые здесь постоянно устраивали музыканты. Гитарист повсюду таскал с собой магнитофончик, и один из таких замечательных вечеров был зафиксирован им на пленке. Запись дает возможность услышать потрясающую игру Джими-блюзмена. Без всяких педалей и примочек. Это – сырая, непричесанная требованиями коммерции музыка с взрывным динамизмом Джими. Отчетливо слышны вопли другого Джими – Моррисона, который, пьяный и счастливый, скакал по сцене, посылая всех очень далеко и надолго.

Использование нецензурных воплей лидера THE DOORS регулируется, между прочим, нормами авторского права (о чем свидетельствует надпись на вкладыше CD). На записи звучат: Джими Хендрикс – вокал, гитара; Джонни Винтер – ритм-гитара; Рэнди Хоббс – бас; Рэнди «Z» – ударные, Моррисон – гармоника, вокал, оскорбления, непристойности, бормотание; Бадди Майлз – барабаны во второй части записи. А называется весь этот коктейль из Red House, Bleeding Heart, Tomorrow Never Knows, Uranus Rock, Outside Woman Blues и, наконец, Sunshine Of Your Love так – «Я проснулся этим утром и обнаружил, что я мертв». Не верь после этого в мистику! Утро 18 сентября 1970 года стало последним для Колдовского Ребенка по фамилии Хендрикс. Джими обнаружил, что он действительно мертв.

Искушение вины перед японцами Хиросимы?

И вновь случилось почти невероятное – Грановский принял текст без единой поправки, прекрасно ориентируясь в упомянутых мною агентах, цыганах, индейском лете и пурпурном тумане.

И тем самым подписал с моей Фантазией настоящий Договор, о котором, правда, сам и ведать не ведал. Или Меморандум о намерениях, Грановскому неизвестных.

– Да, – говорила я сама себе под нос, роясь в ящиках письменного стола и извлекая на свет божий кучу исписанных разными чернилами, карандашами и шариковыми ручками листочков, – этот сможет, этот сдюжит, этот рискнет... А чего ему терять-то? Ну, не получится так не получится, никто же голову ему не оторвет, не отрезят...

В зыбкой дымке моего весьма неопределенного будущего (покажите мне хотя бы одного человека из окружающих, кто был бы уверен в завтрашнем дне) начинали вырисовываться контуры альбома «По ту сторону сна».

– Какая замечательная страничка, – продолжала я разговаривать сама с собой, – и что это на ней накарябано?

*Дети камни бросают в Луну,
В Солнце целиться свет не дает,
И небесный корабль ко дну
Из-за шалости детской пойдет...*

*Я тебя затанцую до слез,
Пусть останется плыть в облаках
Опрокинутость белых берез
С алой лентой на тонких ветвях...*

Ташусь с листочком на кухню, старую добрую кухню с проваленным креслом, полками времен острого мебельного дефицита, но с новым телевизором, из глубин которого при нажатии соответствующей кнопки то и дело извергаются гимны криминальному миру, всяким зонам, эзкам, ворам в законе, киллерам, антикиллерам, Сонькам Золотым ручкам. И только по ночам, когда, наглотавшись всего этого телевизионного дерьма, трудовой человек засыпает, интеллигентные «совы» могут урвать кусочек-другой своего экранного счастья.

Лично я по ночам люблю беседовать с Уильямом Блейком – он мне кидает шикарным жестом какую-нибудь мудрую Пословицу Ада, а я ему в ответ – не менее шикарным жестом – какую-нибудь нашу, русскую... Так и жонглируем до рассвета.

Кажется, начинается мания величия.

Прохожу мимо зеркала – вот еще одно изобретение Дьявола, подревнее, конечно, компьютера... Легенду о вешем видении в бронзовом походном зеркале Александра Македонского я прочитаю потом, когда буду писать первую версию «Вавилона» для Кипелова, а пока решаю такой вопрос (несколько странный для человека моего возраста): если расколдовать все висающие в квартире зеркала – а их не так уж и много – они должны по идее выпустить из глубин своей памяти все образы моих родителей, которые удалось захватить в плен в разные моменты их жизни в этой квартире. Будут ли эти образы беседовать? Скажем, образ 80-летней матушки с образом 50-летнего отца? А, может, другие когда-то в неизвестных мне далих разбитые или забытые предками волшебные стекла подбросят из тайников своих пленников для участия в импровизированном съезде «Привет из Зазеркалья!» Они пройдут (или проскользнут?) в гостиную, взглядами давая понять, что зажигать лампу или тем более свечи крайне неуместно, и рассядутся вокруг медленно приближающегося к своей кончине стола. В комнате повиснет молчание... В детстве, услышав эту фразу, я пыталась представить себе Это Молчание, которое может висеть без всякого гвоздика или крючочка. Прямо в воздухе... Удивительное дело!

Итак, в комнате, где чеширскому коту и раствориться в воздухе бы было невозможно из-за загруженности атмосферы образами и тенями, молчание проделает свой самый любимый трюк. И будут лишь еле слышно позванивать подвески любимой Моцартом хрустальной люстры. Лишь по улыбкам – веселым или печальным – по ухмылкам и самым разным гримасам и гримаскам, по затеняющим лица образов легким облачкам недовольства я смогла бы понять, что пришельцы из зеркал общаются на другом уровне, где слова давно вышли из обращения.

Но, увы, в пределах моей досягаемости нет плута и мага Калиостро, умеющего вытаскивать из зеркал видения... Дьявольское стекло в прихожей покрывается пятнами и темнеет, видимо, превысив норму допустимого поглощения отражений еще живых людей.

*... Ты не разрушишь Реальности
И ты не построишь Реальность,
Мой рассеянный дух Зазеркальности,
Бесприютная моя Зазеркальность...*

МРАМОРНЫЙ АНГЕЛ

Отдельный эпизод из жизни

На старых кладбищах птицы поют как-то особенно звонко, задорно. Никакой печали в их трелях, никакого соболезнования и почтения к обитателям некрополя ... И кладбищенские собаки являют собой особую породу четвероногих друзей человека. Они сосредоточены, неторопливы, накормлены сторожами и чрезвычайно мудры – словно познали всю суетность этого бренного мира, сумели разглядеть в душах провожающих своих близких в последний путь облегчение, которое пытаются скрыть бурными рыданиями. Кладбищенские псы молчаливы. Они не носятся по тенистым аллеям, не устраивают свиданий на заброшенных могилах. Вожак стаи имеет право забраться в ритуальный автобус, усестись на сидение водителя и, положив лапы на руль, предаться размышлениям о тщете всего сущего. Увидев такую сцену, я неожиданно ойкнула – пес медленно, с достоинством повернул ко мне лохматую голову и внимательно посмотрел на меня. Наши взгляды встретились... Нет, гром не грянул, молния не ударила в высоковольтную линию, а за сотни километров на Тверской не поехал грунт под памятником А. С. Пушкину. Просто я первая отвела глаза, тихо сказала псу: «Извините!» – и опрометью бросилась прочь...

Огромные тополя и липы в три обхвата бросают благодатную тень на каменные кресты и надгробия господ, некогда состоявших в масонских ложах – времени не удастся стереть всевидящее око, и оно устремлено вверх к девяти небесам, окрашенным в разные цвета по системе Вербера.^{***} Колонны с искусно сломанными верхушками указывают на места захоронения последних представителей некогда знатного рода, а черная ворона расхаживает неподалеку с бумажным стаканчиком в клюве. То ли занимается уборкой вверенной ей территории, то ли ищет источник живой воды в стране мертвых.

В ранний час на кладбищах бывает безлюдно...

Но вот мимо проходит странно одетая дама – в ярко-красной накидке с зеленой каймой. Из-под накидки выглядывают

^{***} Вербер, Бернард – самый читаемый писатель современной Франции. Родился в 1961 году. Начал писать в возрасте 7 лет. Сделала его знаменитым первая книга из трилогии «Муравьи» (1991 г.). Лауреат премии Жюль Верна. Создатель Ассоциации анализа вероятных сценариев развития человечества и «Клуба визионеров»... Я с удовольствием прочитала все его книги, переведенные сегодня на русский язык (по состоянию на май 2007 года).

дивные парчовые шаровары. На ногах – отменные китайские кеды времени Культурной Революции или заплыва Великого Кормчего по реке Яндзы. На голове дамы – тубетейка, еле прикрывающая макушку с редкими ярко-рыжими волосами. В холщовой сумке это странное существо женского пола тащит баночки с краской и кисти.

– Наша Бэлка ангелам пошла рожи портить, – опухший от постоянных возлияний за упокой своих тихих подопечных сторож смачно плюнул и не промахнулся – плевком точно попал в тяжелую каменную урну.

– Ай, молодец! – похвалил старик сам себя.

– Чего смотришь-то так? – продолжил он после небольшой паузы. – Рожи, говорю, разрисовывать пошла.

Не любит, когда ангелы слепые. Родичи потом, знаешь, как орут, если, конечно, родичи есть, – сторож пожевал губами, что-то проворачивая в давно уставшем от монотонности кладбищенской работы мозгу, – не, курилка ядреная тебе в бок, родичей нет, откуда им взяться, родичам-то? Сами, небось, померли уже... Наше мероприятие-то старое, старше и не сыщешь нигде... Ты пойдешь, глянь, чего Бэлка-то творит. Мы с нашими постоянными теперь уже клиентами вообще-то ею гордимся. Такого разгула ни на одном кладбище нет.

Подглядывать за людьми – последнее дело. Да еще на кладбище. И зачем я отправилась сюда? Что за некрофильские привычки – как окажусь на новом месте, так сразу отправляюсь на местный погост. «По культуре захоронения предков и уходу за могилками, можно судить о культуре всего народа!» – некогда поучал меня один из многочисленных гуру, который на самом деле был не гуру, а бывший сотрудник КГБ.

Мадам, которую старик-сторож называл Бэлкой, разговаривала сама с собой (как это часто делаю я, только она устраивала диалог то ли с видимой пустотой на кладбище, то ли со ждущими Страшного Суда жителями кладбищенской коммуналки, а не в трехкомнатной столичной квартире). Вслушивалась я в знакомые имена, фамилии и... чур меня!... знакомые названия рок-групп, и удивление мое становилось беспредельным.

Она знала каждого ангела, годами стерегущего вечный покой лекаря, пекаря, профессора или скрипача. Поглаживала отбитые носы, поврежденные временем и залетными хулиганами крылья, протирала тряпкой никогда не синеющие от мороза каменные ноги.

Ангелы отупело сидели на приписанных к ним мраморных глыбах. Держали руки по-военному по швам, вытягивались в полный рост, обнимали вазы с цветами, держали огромные книги

с выбитыми на не переворачиваемых ветром страницах именами, стояли на одном колене, в припадке скорби протягивая достойные балерин руки в сторону некогда роскошных часовен.

...– Отстань, Мишка, отстань, проказник, – глупо хихикала Бэлка, пририсовывая черному крылатому охраннику какого-то бакалавра ярко-желтые слезы, грубым пунктиром уродующие гладкие щеки духа Божественного Порядка, – фу ты, балбес, язык-то спрячь... I feel so strong that I can't disguise... Иди, иди, родной, вон как тебя публика зовет... Джа-ггер, Джа-ггер... А твоя мышка подождет тебя здесь и выпьет за твое здоровье... Now I need you more than ever...

В ее бормотанье и хихиканье отчетливо прослушивались цитаты из песни РОЛЛИНГ СТОУНЗ «Let's spend the night together». В ужасе я застыла за огромным серым крестом, не зная, что делать – кладбище, ангелы с нарисованными слезами, сумасшедшая тетка, ты и дело вспоминающая строчки из песен культовой английской группы. Бежать?

– А ты, голубок, будешь плакать синеньким, в прошлый раз плакал красненьким, а сегодня синеньким...

И белоснежный «голубок» получил свою порцию ультрасиних штрихов. Выглядело, конечно, все действие несколько диковато: размашистые шаги съехавшей на РОЛЛИНГАХ Бэлки, раскачивающаяся от ее быстрой ходьбы сумка, в которой с подозрительной готовностью банки расплескивали свое красящее содержимое, мои короткие перебежки за надгробиями.

– Марианка – дурочка, Марианка – блядь, прости меня грешную, ты к ней больше, Миш, не ходи, она с Китиком трахается... And now I know you will satisfy me...

Так, и Марианне Фейсфул по первое число досталось. Девушка, прямо скажем, не очень приличного поведения, но тоже поработала во славу рока не только своими амурными похождениями. Вот так, в тени почти российских лип, обматерили Фейсфул, без всякого почтения и понимания субординации.

– Девушка, а я вас спиной вижу. У меня на спинке, знаете какие глазки? Вылазьте, вылазьте из-за крестика-то, а то аптекарь рассердится да ножку вашу изволит откусить.

«Теодор Корвайзер. Аптекарь. Покойся с миром...» – было выбито на слегка приподнятом сером камне. Кто-то мелом неровно приписал к «покойся с миром» слово «отравитель». Получилось: «Теодор Корвайзер. Аптекарь. Покойся с миром, отравитель».

– Роуди – собаки страшные, – Бэлка широко улыбнулась мне, демонстрируя потрясающе ровный ряд белоснежных (не

вставных) зубов, – они Мишука моего совсем замучили... Любишь Мишука-то?

«Кранты тебе, Пушкина, – пронеслось в голове, – Мишука Джэггера ты никогда не любила, хотя и уважала за сделанный им весомый вклад в развитие мирового рок-н-ролла». Судорожно сглотнув слюну, я усердно закивала головой.

– Врешь ты, конопатая, на лбу твоём написано, что Мишука не любишь... There's no time to loose... Cash you dreams before they slip away. Это, может, и к лучшему. Мне больше достанется... Какие впалые щеки у Мишака, какие ножки – то тоненькие стали. Видала? Убьет себя диетами, хрен старый! Думает, вечную жизнь морковным соком заработать. Фигушки, Мишук. Вот содохну скоро, я тебя с собой утащу. В Геенну Огненную на х...!

And nothing's lost at such a cost, goodbye, Ruby Tuesday.

Бэлка громко хохотнула, опрокинула на ступеньки склепа почтенного профессора орнитологии банку с зеленой краской, сама же наступила левой ногой в эту липкую лужу и в немыслимом вальсе прошлась по площадке перед склепом, оставляя огромные следы цвета только что пробившихся на свет божий листочков сирени.

– А зачем Вы слезы ангелам рисуете? – отбросив страх и смущение, спросила я. Пришло время положить конец этой затянувшейся демонстрации пророллинговского безумия.

Бэлка от неожиданности вторжения в ее собственный бред на мгновение застыла, потом неловко повернулась, подскользнулась на собственных же следах и некрасиво плюхнулась на пятую точку, подмяв под себя упавшую с головы тибетейку. Слетевший с ее ноги китайский кед, описав в воздухе правильную дугу, точнехонько упал к моим ногам, банки покатались в разные стороны, испохабив своим содержимым и без того забрызганный зеленью мрамор орнитолога.

– Хороший вопрос, курносая, – любительница Джэггера заговорила неожиданно хриплым голосом, тяжело вздохнув, – хо-рошенький вопросец.

Она поднялась, отряхнула накидку, жестом попросила вернуть ей улетевший ко мне кед, пинками отправила в кусты акации опустевшие банки.

– Когда мраморный ангел, любой из стоящих НА земле... – Бэлка подняла вверх указательный палец правой руки, пораженный неизлечимым артрозом, – когда, значит, ангел каменный заплачет по-настоящему, лежащие ПОД землей откроют глаза. Представляешь, конопатая, кто не успел стать завтраком для червей, в этот момент открывает глаза... Гоголь просыпается

от летаргического сна, там, внизу, и воет от страха. Ангел плачет и начинается прелюдия Апокалипсиса... Сначала они открывают глаза, а потом... А потом они восстанут. И goodbye, Ruby Tuesday. Я репетирую этот момент. Понимаешь? Ре-пе-ти-рую. Здесь. Каждый день. Я приучаю их плакать. А этот гад нерастоптанный, сторож, их отмывает.

Она хмыкнула, нахлобучила на макушку мятую тибетейку.

– Как ты думаешь, какого цвета будут настоящие ангельские слезы?

– Перламутровые, – немедленно ответила я, пятясь от кладбищенской сумасшедшей, которая начала неспешное движение в мою сторону. Из-за склепа орнитолога оказался тот самый пес, который умел водить ритуальный автобус. В зубах он нес обрonnenную Бэлкой на одной из аллей колонковую кисточку.

– Ха! Сейчас-то тебя отключили, но подключали, подключали... Перламутровыми слезы будут у Ангела Альбиона, обычными – у Ангела Бостона, а у нашего Ангела они будут алыми. Если у тебя хватит смелости, если доживешь до того дня, попробуй эти слезы на вкус. Они солоноваты... Наш Ангел будет плакать кровью.

Последнюю фразу я уже додумала сама, я ее уже не слышала – летела, не чуя ног, по чисто выметенной сторожем дорожке к старинным чугунным воротам.

– А Мишука моего не трожь! – несло мне вслед, Бэлка переключилась с пророческой волны по более привычную для себя, рок-н-рольную, – и Китика не трожь! Чарлика себе возьми, Чарлика! Один черт, все содохнем! Well, I sat right there in my seat well feeling like a king!***

«Перламутровыми слезы будут у Ангела Альбиона.

Обычными – у Ангела Бостона.

У нашего Ангела они будут алыми».

Ангела какой местности Бэлка считала «нашим»?

Подключите меня, пожалуйста, я хочу ЗНАТЬ.

ЖИЛЯК. ГОТ С ПИРСИНГОМ. ПЕСНЯ

Вокалист группы «КАТАРСИС» звонит обычно из мест, трудно определяемых на карте моих географических познаний. И каждый раз я его почему-то не узнаю. Не узнала я Олега

*** Строчка из песни «Flight 505» группы THE ROLLING STONES

и в тот ставший историческим для дальнейшего развития моей творческой мысли день. Но справедливость была быстро восстановлена, и начались двусторонние жалобы на погоду, на нехватку хорошей музыки...

– Ты не представляешь, – начала я, расхаживая с трубкой по квартире и думая, что вот такими периодическими проходами и лавированиями между мебелью, книгами и непонятым количеством обуви компенсирую отсутствие двигательной активности, – до чего же мне хочется написать что-нибудь готическое! (Я тогда правильно выговаривала это заветное слово, не опускаясь до пошлого «готишный»)... Вот села бы и прямо за неделю... Бабах! И готов альбом со всеми признаками лунной печали, меланхолии и безумством моих любимых готических сводов.

Но с кем? Скажи мне, друг Жияк, с кем?!

Будь в комнате хотя бы один посторонний человек, подивившийся на роль безропотного зрителя, я бы начала заламывать руки, уронила бы телефонную трубку, приладила бы мокрое полотенце на лоб – дескать, творческий жар пожирает мою несчастную голову изнутри... Но зрителей не было, давно все разбежались, даже плюшевые на вид мышки перестали попадаться в зверскую мышеловку. Этот адский механизм, который щелкал своими челюстями-убийцами при малейшем дуновении сквозняка, уже которую неделю стоял с разинутой пастью, с привлекательным кусочком «российского» сыра на остром единственном зубе. Мыши, совершенно одичав в нашем подъезде, подались за пропитанием в соседний.

Во всяком случае, зная, как «любят» готовить мои соседи справа, слева, снизу, сверху, могу только пожалеть оголодавших животинок.

– О! Идея! – в трубке словно взорвали пустой бумажный пакет. Это Жияк, не жалея сил, хлопнул себя по лбу. – У меня же гот знакомый есть! Классный гот! Весь в пирсинге! И поет... И группа у него... была, правда, сейчас уже нет... Поет, поет, Марго... А сколько металла! И в носу, и в бровях, и в губах, и на подбородке... Любой металлодетектор орет как сумасшедший, лишь заведя этого парня издалека. Уже боится, что не справится.

– Давай твоего гота! Может, договоримся... Сотворим что-нибудь. А я прямо сейчас сяду и напишу текст-другой...

Жияк отправился охотиться на знакомого гота. А я принялась настраиваться на соответствующую волну – вызывать из памяти соответствующие образы и ощущения, переживания...

Бездна начинала оживать, я чувствовала ее пульсацию... При погружении самое главное не сойти с ума и суметь потом выплыть... «Репетиция Апокалипсиса», «ты открыла глаза»...

«Когда уже будет все, накройте мое лицо голубым шарфом... Чтобы, когда я ТАМ открыла глаза, я увидела бы небо... Всех люблю и помню. Пусть на счастье живут мой дуб и каштан, все, что я сажала и растила... Рита, привет музыке и музыкантам...» (из записки, найденной после смерти моей матери).

Мама... Угасающее, сходящее на нет, дыхание. Я держу ее за руку, что-то шепчу ей. Она уходит на ту сторону сна, не увидев нового утра. На улице хмуро, неприветливо, сыпется ледяная крупа. Накануне ярко светило солнце, и мы думали, что вместе пережили тяжелую зиму и уж как-нибудь дотянем до осени... «Что-то не так, не так внутри, – она улыбнулась виноватой улыбкой, – как-то не по себе. Ты иди, а я попробую заснуть»... Никто из медперсонала не понял, что происходит. Они будили ее, тормозили, думали, что действует снотворное...

Пульса уже нет, а я все цепляюсь за мамину руку, мне кажется, что я все еще ощущаю неровное тихое биение... «Это видимость, – говорит главврач хосписа, – Зоя Петровна ушла». «Но пульс вот он!» – такая теплая рука. «Пульса нет. Все кончилось. Тебе кажется». Заголосила мамина соседка по палате, которой через пару месяцев предстояло так же мирно или же, наоборот, с дикими болями отойти в мир иной. В этом хосписе от еще живых не было секретов Смерти – находясь в трезвом уме и твердой памяти, они с ужасом наблюдали за агонией подошедших к последней черте соседей.

Мир должен был рухнуть в эту секунду, должны были разбиться все стекла, обезобразиться трещинами зеркала. Но если этого не случилось год назад, когда не стало отца, значит, не случится и сейчас. Мраморный ангел еще не заплакал.

Смерть в песнях то настигает храброго героя в битвах, то является в виде волка-оборотня, то обрушивается на человечество ракетным ударом. За несколько мгновений она потеряла весь свой странный фантастический блеск.

Со всех сторон меня окружили бетонные глухие стены, день за днем сдвигающиеся к центру площадки, где сидела я. Даже верного пса не было у ног – мой лохматый трехцветный друг отправился в Собачий Рай через 2 месяца после маминей смерти...

Единственным спасением была музыка и слабая надежда на сочинение готического альбома записанным товарищем.

*Когда заплакал мраморный ангел,
Сместился к полуночи звон предрассветный,
Когда заплакал мраморный ангел,
В соборе разбился витраж пятицветный...*

Странная вереница персонажей привела меня к этому тексту – Кладбищенский сторож – Бэлка– Джэггер– Жияк – Гот, которого я ни разу не видела...

– Классный текст, – зато я слышала его голос, – мы непременно напишем музыку... Это будет хит...

И мы пустились в пространный разговор о готических соборах, протестантских и католических кладбищах и готических группах.

– Классный текст, – подтвердил Жияк, когда я прочитала ему стихотворение, – но для нас он чересчур мрачен. У нас же пауэр...

– Классный текст, – эхом отозвался Маврик, с которым я поделилась радостью написания «Ангела», – но не для моей музыки. Жаль, конечно.

– Музыка готова, как-нибудь покажем, – рапортовал невидимый гот (я так и не поняла, издевалась ли эта компания надо мной, или же действительно кто-то что-то написал), – вообще-то мы работаем на зарубежный рынок. Сейчас должен быть фестиваль в Испании..

– А давай я напишу комбинированный текст, – эх, пушкинская душа нараспашку! – Запевы по-испански, припевы по-английски.

– Чума! – возопил гот. – Давай! Ждем!

Интересно, а язык он тоже украсил чем-нибудь металлическим?

EL ENIGMA

*Un vagabundo del Sol,
Un vagabundo de la Luna
Vende sus abrazos a las chicas,
Vende su voz tan preciosa, vende su mundo.
Los sueños son cortados con una cuchilla
De tu tiempo indiferente,
Su dolor cuenta con un millón de millas,
El enigma...
Y su sangre corre como un río
De tu alma,
My crownless queen,
Who reigns alone,*

*In the kingdom
So cold and stoned,
Alone,
Alone...
All dreams are gone,
Alone
Un vagabundo del Sol,
Un vagabundo de la Luna
Toca las campanas de la noche,
Toca el viento dorado, toca sus plumas,
Y se queda en la calle, se queda muerto
Con el corazón misterioso,
Con el corazón abierto
El enigma...
Y su sangre corre al desierto
De tu alma,
My crownless queen,
Who reigns alone
In the kingdom
So cold and stoned,
Alone,
Alone,
All hopes are gone,
Alone.
Un vagabundo del Sol,
Un vagabundo de la Luna
No puede inclinar su frente
Hacia el suelo...*

Подстрочный перевод примерно такой:

ЗАГАДКА

*Солнечный бродяга,
Бродяга Луны,
Продает девицам свои объятья,
Торгует своим чудесным голосом и своим миром,
Его сны обрублены ножом,
Это нож времени, полного равнодушия,*

*Времени, в котором этот бродяга живет.
Его боль измеряется миллионами пройденных миль.
Вот это загадка!
А его кровь бежит словно река —
река твоей души,
Моя королева без короны,
Королева, царствующая в одиночестве,
В таком холодном, застывшем королевстве,
Совсем одна,
Одна-одиошенька,
Все мечты испарились,
Ты совсем одна.*

*Солнечный бродяга,
Бродяга Луны,
Он звонит в колокола ночи,
Играет золотистым ветром, опереньем ветра,
И падает на улице, остается лежать на улице
бездыханным,
Сердце его загадочное,
Сердце его открыто,
Вот это загадка!
И его кровь бежит в пустыню души твоей,
Моя королева без короны...
Солнечный бродяга,
Бродяга луны,
Такой не может разбивать лоб в поклонах...*

– Мы отослали текст в Испанию. Они в восторге, – мистификация продолжалась, – абсолютно все понравилось.

– Да ладно, я испанский-то здорово подзабыла, – скромно опускала я глаза, – когда покажете?

– Скоро, скоро!!! – прокричал напоследок гот и... исчез. Вместе с музыкой, с пирсингом и моей надеждой написать и явить народу что-нибудь готическое.

«Скоро! Скоро!» – так кричат стаи обманщиц-ворон, кружа над мусорными полигонами и обещая этой захламленной земле скорое очищение. К чему это я? Да так, лирическое отступление.

Обман-обманом, мистификация-мистификацией (мы с Жилком этого гота и эту историю больше не вспоминаем), а «Мраморный Ангел» уже появился на свет... И я представляла как под землей открывает глаза женщина, любившая читать по ночам стихи лорда Байрона, и –

*.... Загорелся бессмертник,
Загорелась ограда,
Пламя схвачено ветром,
Ветер дважды просить не надо...
Загорелись рябины
И состарились звезды,
Из-за дыма не видно,
Как по небу стекают слезы...*

Все, все гибнет в этом огне! С каким удовольствием я бросаю в гигантский костер белые халаты продажных врачей, мундир майора медицинской службы, отказавшего в помощи моему умирающему отцу, подарки-подачки моим старикам от толстопузых депутатов, приветственные праздничные письма Великих мира сего, продолжающие приходить и сейчас, когда ни боевого летчика, ни его верной подруги нет в живых... И змеи этого огня удачно переплетаются с пылающими змеями из нашего с Дубининым «Балом у Князя Тьмы», шипя заключительную фразу и выдавая причину всех наших бед и напастей: «Здесь на одного слишком много зла». ...

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПРИЗЕМЛЕНИЕ АНГЕЛА ПО ТУ СТОРОНУ МОЕГО СНА

«Я то существо, каким бываешь и ты сам в свободном сне без сновидений. Я – твой солнечный брат, с которым ты парил в сверкающих долинах. Мне запрещено открыть твоему дневному, земному существу, кем ты являешься в действительности; знай только, что все мы странники, путешествующие через века и пространства...»

Говард Ф. Лавкрафт «По ту сторону сна»

Решение пришло мгновенно – назвать альбом «По ту сторону сна» по произведению Говарда Ф. Лавкрафта. Хотя ни одна из песен не отражает мой замысел напрямую. Такой песни на альбоме просто нет. Все банально и обычно – вот она,

повседневная жизнь, с войнами, войнушками, подсолнечным маслом, которое то и дело разливают на кухнях и трамвайных путях неприметные Аннушки, со страхом смерти, с отловом бездомных собак, с ролевыми играми и гениями рока, уставшими быть певцами-язычниками вольных пространств. Это – первая сторона. Состояние сна, когда ты проходишь следом за Ведьмаком по таинственному лесу, в котором прячутся чуткие дриады, летишь на коне за варваром, сжигаемым лишь одним желанием – дотронуться до стены Вечного города Рима и умереть молодым, или попадаешь в руки шайки молодых головорезов, прозревших в одночасье и понявших, что им уготован искусственно сдерживаемый процесс перемалывания юных тел и душ в серую муку... Это – вторая сторона альбома.

На мой взгляд, с лесом Брокилон произошла обидная накладка – выросший в фантазиях пана Анджея Сапковского психоделический зеленый остров, не нашел нужного воплощения в импровизациях Грановского и Геннадия Матвеева. Может быть потому, что они этой книги не читали и не прониклись идеями польского писателя. Мне же виделось использование в небольшом инструментальном фрагменте различных флейт, дудочек, австралийских и африканских инструментов, имитация рыка диких животных, пение загадочных птиц. Увы, победил коварный минимализм лени. В тот лес, который появился у нас на альбоме, Геральд вряд бы даже заглянул. Все остальное удалось более или менее, если учитывать, что «ПТСС» (как позже назовут это произведение слушатели) был первым опытом сочинения моими знакомыми музыкантами песен на предложенные им тексты.

Говард Ф. Лавкрафт, которого одни считают культовым готическим писателем, а другие – занудным психом-графоманом, над страницами произведений которого можно лишь зевать и отчаянно скучать, увлекательно рассказал об опыте одного молодого психиатра. Этот доктор (в отличие от современных коллег, скажем, в московских клиниках) хранил верность клятве Гиппократова и гуманно обращался со своими пациентами, хотя любой из них мог довести кого угодно до петли или укола морфия. Пересказывать содержание лавкрафтовского «ПТСС» нет смысла. Все – люди грамотные, кто не читал – сам прочитает, а кому вся эта фантастическая лапша ни к чему, пойдет, сыграет в нарды, шашки или футбол.

Привлекла меня идея приемника и передатчика, которые разработал герой рассказа еще в колледже со своим другом студентом, и который он использовал, чтобы проникнуть в

удивительный мир снов умирающего пациента Джо Слейтера. В последние часы жизни Джо передатчик был закреплен на его голове, а приемник – на голове доктора...

«Меня разбудили звуки странной музыки, – читала я у Лавкрафта, – аккорды, отзвуки, экзотические вихри мелодий неслись отовсюду, а перед моим восхищенным взором открылось захватывающее зрелище неизъяснимой красоты. Стены, колонны, архитравы, как бы наполненные огнем, ослепительно блистали со всех сторон...». Вот оно! Вот это состояние... Ты видишь именно те картинки, которые создает твое переменчивое воображение. Примерно то же испытываешь, когда, отгородившись от обыденного шума при помощи наушников, слушаешь принесенную тебе музыкантами песню и погружаешься в пучину сначала отрывочных, а потом все более упорядоченных образов.

Желание мое при создании нашего с МАСТЕРОМ «ПТСС» было более чем нескромным – чтобы люди так же ловили наши импульсы, идущие по невидимым проводам от нашего мозга к их мозгу, и попадали в своеобразное Зазеркалье.

Для полной картинке альбомного сна не хватало чего-нибудь печального, размеренного, идущего по эмоциям вверх. И вспомнилось мне о странной судьбе «Мраморного Ангела». Вроде взяли, вроде бросили, вроде чистой водой умыли, вроде нос молотком отбили. И в самый горестный момент раздумий будто кто-то в дверь не позвонил, а постучал. Очень деликатно – тук-тук... Лестничная клетка была пуста. Стою я, шурюсь в дверной глазок, пытаюсь сфокусировать зрение – а в отверстии странным узлом переплетаются лестницы, видно, стеклышко вставлено кривое – и в моей взбудораженной памяти неожиданно всплывает образ бас-гитариста Скрипникова, по совместительству художника и часовых дел мастера. Единственного в моем окружении человека, который понял душу механизма трофейных напольных часов в нашей квартире...

FLASHBACK

– Толя! – имела обыкновение восклицать моя матушка, в очередной раз застав часы в полном отказе от своей прямой обязанности показывать время, – они опять встали! Ты их двигал? Ты до них дотрагивался?

Часы годами занимали тикательную оборону в строго определенном для них углу, и ничтожное перемещение здорового

деревянного футляра неизбежно влекло за собой остановку часового сердца.

– Да нужны они мне! – с досадой и обреченностью в голосе отвечал отец, знавший все дороги, ведущие в московские часовые мастерские. Огромный медный диск с прикрепленной к нему часовой премудростью извлекался на белый свет, бережно заворачивался в белую ткань и относился в лапы ушлых часовщиков.

– Отличный механизм... Сейчас такие не делают, дорогой товарищ, – говорил очередной лечила капризных часов, – вам повезло иметь в доме такую редкость!

Лечила цокал языком, кряхтел, что-то отвинчивал, потом опять привинчивал, терял какую-нибудь штуковину, лез под стол, находил там что-то (но не показывал отцу, что же он именно нашел), выписывал катастрофически огромный счет за свои сомнительные услуги. Папа тащил трофейное богатство домой, недобрым словом поминая тот день, когда ему пришла в голову мысль привезти эту громадину из Германии.

Часы радовали нас своим бомканьем и тиканьем ровно полчаса, потом их ход становился все задумчивее и задумчивее... И, наконец, траурное молчание вновь воцарялось в уютной старой московской гостиной.

– Толя!...

Мама.

Папа.

Медный диск.

Мастерская.

Мастер.

Счет.

Полчаса радости, и ...

– Толя!

Мама.

Папа.

Медный диск,

Мастерская.

Лечила.

Счет.

Бим-бом и Гитлер капут again.

В самый разгар очередной драмы с умирающими часами появился Серега, сверкая черными цыганскими глазами, белыми зубами, слегка навеселе по причине получения небольшого, но приятного, гонорара. (Это происходило очень давно, когда все

ныне лысые и отчаянно лысеющие джентльмены хвастались длиннющим, простите за сленг, хаером). И Скрипников тогда щеголял отменными кудрями.

Съев тарелочку вкуснейших щей, приготовленных мамой, пригорюнившись по поводу обострения хронического заболевания трофейного чуда, Серега принялся расхаживать около часов, хищно поглядывая на равнодушный циферблат.

– Не ходят?

– Не ходят.

– А надо?

– Ой, надо!

– Тащи трехкопеечную монету.

– Может, там в меха...

– Еще одну трехкопеечную и две пятикопеечные, – произнесено это было таким тоном, словно бас-гитарист был именитым хирургом и командовал медсестре «Скальпель, зажим, скальпель!»

(А мой пес тем временем примерялся – за какую пятку куснуть этого джинсатого любителя щей).

Почему я так подробно описываю это сцену? Ах, мистер Блейк, воспоминания, что весенняя аллергия – и плачешь, и смеешься, и никакие капли не помогают. Какой Блейк? Почему Блейк? Его кто-нибудь в природе вообще видел? Уберу при следующей редакции :))

– Еще пятикопеечную! Зоя Петровна, туш!

Часы вздохнули и принялись за свою каторжную работу – считать секунды, минуты, года.

С легкой руки Скрипникова они ходили и бомкали лет 12, если не больше, пока отец нечаянно не задел их плечом.

– Толя!...

Мама.

Папа.

Но сил тащиться на Покровку в часовую мастерскую уже нет.

Скрипников исчез из моей жизни вместе с группой НОВЫЙ ЗАВЕТ и на моем горизонте появлялся чрезвычайно редко и как-то невнятно.. Пятикопеечные монеты лежали аккуратным столбиком там, где он их оставил в тот славный день Поедания Тарелки Маминых Щей.

***

Что только с ним не происходило за эти годы! Но оставим пока подробности приключений басиста со скрипичной фамилией за кадром моего документального любительского кинофильма.

Он писал инструментальную музыку, сделавшую бы честь своим звучанием любому спектаклю или блокбастеру, переложил на музыку практически все стихи из моей книги «Заживо погребенная в роке», записал несколько синглов, тринглов, развелся, женился, родил двоих ребятишек, пополнил своей экзотической персоной армию безработных, в каких-то темных переулках с переделками сломал себе нос, правую руку. Короче, успел пробежаться по некоторым участкам отведенного ему персонального ада.

Лучшего кандидата для написания музыки к «Ангелу» трудно было найти – «мастерам» не хватало времени озвучить это творение, или просто они устали от работы. Зима, когда писался «ПТСС», выдалась лютая...

– Серега, по старой дружбе не поможешь? Не напишешь ли музыку?

Волшебная просьба для человека, который по самую макушку пропитан музыкальными идеями.

«После первого прочтения »Мраморного ангела« вспомнил-ся уровень из игры HEXEN, – в первый раз, уже после сведения материала »Династии«, вспоминал Сергей, – я оказался один в готическом соборе, среди множества витражей и двух мраморных ангелов. Я подошел к одному из них и мне показалось, что он вот-вот заплачет... Я удалялся, потом приближался, смотрел на готические своды, и чем дальше я погружался в стихотворение, находясь в виртуальной реальности, тем громче и громче слышал мелодию, которая и стала основной темой песни».

Помню первое ощущение от услышанного – паника. Дикая паника. Убежать. Заткнуть уши. Забыть о том, что было написано. Никакой ограды, никакого бессмертника, и чтобы пепел не стремился к пеплу. А прозаически разлетался при первом же дуновении обычного ветра. Через минуту-другую – дрожь по всему телу, и слезы. Отзвуки вмешательства Смерти в мою жизнь – до сих пор разноцветные осколки той боли медленным дождем падают в лунную пропасть, в ладони Ее помощников.

Получилось. Эксперимент удался. Никаких сомнений в том, что эту песню должен спеть Михаил Серышев не было – ему должны были быть знакомы григорианские распевы.

Волны от нашего коллективного мозга до кого-то доходили, до кого-то нет. Одни встречали на астрале своего солнечного брата или сестру, другие обламывались от того, что МАС-ТЕР не играет старый добрый трэш.

Меня всегда удивляла отчаянная привязанность людей к одной и той же музыке. Так, наверное, старик Ромуальдыч был

привязан к своей старой портянке, которую любил нюхать, выходя в чисто поле.

Вроде время идет, все меняется... Сам человек растет, седеет, мудреет, набирается жизненного опыта. Можно с ностальгией вспоминать музыку своего детства или юности, но требовать от сильно повзрослевших музыкантов исполнения одного и того же на протяжении всего их существования – это уже патология. Такая позиция поклонников ставит исполнителей в положение великанов, которых неумный режиссер вынуждает играть роли карликов. Волосатые ноги торчат из коротких штанишек, майки с треском рвутся на мускулистой груди, а подметки от башмаков крохотных размеров разлетаются в разные стороны.

Скрипниковский «Мраморный ангел» активного отторжения аудитории не вызвал. Народ проникался этой печалью, хотя и ведать не ведал о всей предыстории создания песни. Срабатывала распевность «Ангела». Что приключилось с этим же текстом у замечательного наглухо запирсингованного гота, не знаю до сих пор.

Однако меня не покидало ощущение незавершенности... «И ты открыла глаза»... По щекам Ангела Альбиона по нашей со Скрипниковым воле скатились перламутровые слезы. Осталось совершить еще одно чудо – чтобы моя мама, погребенная по ее просьбе с лицом, закрытым голубым шелком, смогла Там увидеть небо.

НАБРОСКИ К «ДИНАСТИИ ПОСВЯЩЕННЫХ»

«Мой фильм рождается сначала в моем воображении, умирает на бумаге, воскресает с помощью живых персонажей и реальных вещей, которые я пользую, – они убиты на пленке, но, расположенные в определенном порядке, спроецированные на экран, вновь оживают, как цветы на воде».

Робер Брессон

... « Осталось совершить еще одно чудо – чтобы моя мама, погребенная по ее просьбе с лицом, закрытым голубым шелком, смогла Там увидеть небо...» – такими словами заканчивается предыдущий фрагмент.

Хроника написания текстов

Помочь увидеть небо Там, наверное, можно только с помощью музыки.

...Жара. Соседские куры, соседские драные кошки, собака местного алкоголика, ежедневно напивающегося до непроизвольного принятия строго горизонтального положения в кустах за нашей калиткой. У лохматой собаки изумительные уши – строго в соответствующие стороны, параллельно дачной земле. С глухим стуком падают не успевшие созреть яблоки, подточенные коварными червяками (не знаю почему, но яблочные черви ассоциируются у меня с польскими панами и паненками, танцующими краковяк). Перед крыльцом буйствуют розовые, белые, сиреневые георгины, братаясь с цветущими ядреным желтым цветом кабачками, оранжевой настурцией и всем, что было мной понатыкано весной бессистемно и опрометчиво на этой крошечной клумбе.

Решение продолжить путь, начатый «Мраморным ангелом» приходит именно здесь, на теплом от солнечных лучей крыльце, под деловитый перестук колес пассажирского поезда «Москва-Одесса» и отборный мат пьяного соседа, фигурирующего у нас в семье под кличкой «Контрактник».

22 июля 2006 года. Словно кто-то из Покровителей (то ли Ангел, то ли Демон, точно мне не успели доложить) открывает наверху окно-иллюминатор и направляет мне в темечко мощный луч.

«И тогда над горами прокатился, как трубный голос, страшный голос Воланда:

– Пора!! – и резкий свист и хохот Бегемота.

Кони рванулись, и всадники поднялись вверх и поскакали...».

Пора!

«Лилия и Лилит» была написана 22 июля.

«Гром небесный» – 24 июля.

«Реквием» – 29 июля.

«Ave Leticia» – 31 июля.

«Вересковая Пустошь» – 31 июля.

«Змея» – 4 августа.

«Покровители» – 7 августа.

«Каждому» – 15 августа.

«Андайский Крест» – 24 августа.

«Саксонский корпус» – 29 августа.

«Невидима» – 1 сентября.

«Эхо, посланное в никуда Уильяму Блейку» и «Закатные рыцари» были сочинены раньше, и они прекрасно ложились в концепцию альбома с первоначальным названием «Династия Обреченных».

«Колыбельная» появилась на свет 8 февраля 2007 года. Захотелось дать после мощной хоровой коды «Реквиема»

возможность отдохнуть душе, расслабиться, почувствовать себя крохотным ребенком. Не обращая внимания на то, что песню поет реально не существующая девушка, сотканная из лунного света. Она растает с первыми лучами солнца, как и те кривляющиеся крохотные короли и королевы в бархатных камзолах, нарядах из испанских кружев, в башмаках с серебряными и золотыми пряжками. Исчезнет и Лунное Дитя, которому не суждено появиться на свет в виде обычного человеческого детеныша (так пантера Багира и медведь Балу в киплингговской сказке «Джунгли» называли своего ученика Маугли).

Ave Leticia!

Конец 60-х. Или самое начало 70-х.

Мерцающий киноэкран кинотеатра «Художественный». Перед каждым фильмом принято показывать киножурнал «Новости дня». На сидящих в зале надвигается циферблат Кремлевских курантов и Кремлевская башня под звуки Свиридовской «Время, вперед!» Сначала – зарубежная хроника. Потом, как говорится, «вести с полей». Никто не чавкает за спиной, не хрюкает, уничтожая переведенную в категорию поп-корма кукурузу, никто не рыгает и не икает, надувшись шампунеподобной «Кокка-Колы». На задних рядах целуются парочки – это неизбежно, это обязательный атрибут любого режима. Даже при взрыве атомной бомбы кто-нибудь будет обжиматься и целоваться на эскалаторе в метро, на парковой скамейке или в относительной темноте кинотеатра. А потом внезапно обнаружит, что на Земле все уже вымерло и кино больше не будет...

Американцы воюют во Вьетнаме. На весь экран – горящие вьетнамские джунгли, бегущие от солдат и напалма дети, вертолеты с десанниками-карателями на борту. Мы ничего не знаем о том, что в каком-то городе нашей собственной страны отдан приказ стрелять в бунтующих рабочих, многие уверены, что чехам так и надо – правильно их танками проутюжили в 1968 году, нечего переть против соцлагеря. А кто-то вообще ни о чем не думает, пьет себе водочку, закусывает со вкусом разделанной селедкой с зеленым лучком и плюет с высокой колокольни на политику: и внутреннюю, и внешнюю. «Политика – игры для сильных!» – позже споет Маленький Человек в рок-опере «Стадион», либретто которой написано мною в содружестве с солнцеподобным Александром Градским.

...Отрезанные головы пленных вьетнамцев – военные трофеи.

Режиссер Фрэнсис Коппола сделает из этой войны завораживающее зрелище в «Апокалипсис сегодня» со знаменитой вертолетной атакой под мощные звуки «Полета валькирий» Рихарда Вагнера. А другие американские кинотворцы сочтут за свой профессиональный долг в военные фильмы вставлять песни группы DOORS или Джимми Хендрикса. «Я этот фильм посмотрю лишь за то, что снова услышу там Моррисона», – шутили у нас в компании.

Пока же все военные ужасы только в хронике, без художественной и психологической трактовки яйцеголовых мэтров кинематографа США. Я в курсе, что ветераны вьетнамской компании, присоединяясь к антивоенному движению, бросают свои боевые награды на ступени Белого дома; знаю, что, спасаясь от мобилизации, американские парни бегут в Канаду и Европу. И даже пишу верлибром о церкви на перекрестке, где могут найти приют юные дезертиры и несогласные.

Но пришла я в «Художественный», что выходит фасадом на Арбат, не для переживаний по поводу сожженных вьетнамских деревень, не для того, чтобы посмотреть на очередного счастливого ударника социалистического труда, подставляющего широкую, могучую грудь под честно заработанную награду. Кстати, по Арбату еще ездят рогатые чудики-троллейбусы, а милые старушки с доисторическими вуалетками на шляпках приходят за дешевыми, но вкусными полуфабрикатами в «Кулинарию» от ресторана «Прага». Знаменитая московская улица еще не офонарела.

Вцепившись в ручки жесткого кресла, с замиранием сердца жду, когда же зазвучит божественная музыка Франсуа де Рубе, Ален Делон (еще не срифмованный Ильей Кормильцевым с «одеколоном») под именем Маню на своем маленьком самолете пролетит под Триумфальной аркой в Париже, а Серж Реджани в роли изобретателя Ролана начнет испытывать свой эталонный автомобильный двигатель. Конечно, появляется девушка – рыжеволосая LETICIA, при помощи сварочного аппарата и листов железа пытающаяся войти в мир современного искусства. Но все ее героические попытки терпят, естественно, провал. Иначе Судьба не станет сводить этих трех персонажей вместе и не отправит искать затонувшие сокровища то ли к берегам Африки, то ли в Средиземное море. Играла это солнце-подобное чудо актриса Джоанна Шимкус, которую я ни в одном из фильмов больше не видела.

Возникал по ходу сюжета любовный треугольник (а фильм был снят по роману Хосе Джованни и в оригинале назывался

«The Last Adventure» – «Последнее приключение» или даже «Последняя авантюра»): Маню (Делон) любит Летицию, Летиция не любит Маню, а любит Ролана (Сердж Реджани). Ролан любит эту неземную девушку, но мужская солидарность и дружба для него превыше всего... Банальная история. Довольно банально смотрится и появление ушлых бандитов, которые давно следили за друзьями. В минуту победы искателей приключений, когда они любят найденными сокровищами и строят грандиозные планы относительно своего теперь уже безбедного будущего, громилы пытаются захватить шхуну и убивают Летицию (еще одна банальность). Любой человек, даже незнакомый с системой Станиславского, запросто мог бы предсказать такой поворот сюжета.

И – вот она, моя любимая сцена, ради которой я столько раз прогуливала лекции по истории испанского языка! – погибшую Летицию опускают на морское дно. Сейчас уже не помню точно – то ли в скафандре, то ли привязав к ногам груз. Скорее второе, потому что помню ее золотые волосы, ореолом сияющие в голубой бездне. Хотя фантазии может сыграть со мной злую шутку, выдав желаемое за действительность. Моя матушка, например, долгие годы была уверена, что видела вторую серию фильма «Идиот» с Юрием Яковлевым в главной роли, так он ей полюбился. Как известно, режиссер Иван Пырьев снял только первую серию «Идиота». Вторую отснять ему не удалось. По слухам – из-за Юрия Яковлева, который настолько вжился в роль князя Мышкина, что не смог вынести душевного перенапряжения своего героя и сам тяжело заболел.

Тело Летиции медленно погружалось в жадные морские глубины под пение ансамбля SWINGLE SINGERS, исполнявшего а капелла нечто очень классическое, провоцирующее нервный срыв у притихших зрителей.

Полезная информация для любителей музыки.

Swingle Singers появились в начале 60-х годов в Париже.

Руководитель одной из студий звукозаписи Уорд Свинг собрал молодых вокалистов для поддержки записей Эдит Пиаф и Шарля Азнавура. Милые вещицы писал для них Мишель Легран. Позже ансамбль решил петь фуги Баха, несколько стилизовав их под манеру Луи Армстронга. Они нашли общие черты между музыкой барокко и джазом, стали родоначальниками нового вокального направления «свингл-сингинг». За 42 года своего существования группа 5 раз получала премию «Grammy»,

записала 50 альбомов. Критики считают, что уникальность группы заключается в задушевности звучания, которое достигается благодаря технически близкому расположению микрофона.

В настоящее время ансамбль продолжает выступать, используя современные музыкальные инструменты, создающие нужный *atmospere*.

Многоголосье, солнечные лучи, пронизывающие толщу воды, уходящая навсегда надежда на счастье...

Я хлюпала носом, поддавшись приступу несвойственной моему характеру сентиментальности, и давала себе честное слово завтра опять прогулять какую-нибудь лекцию ради этой потрясающей сцены.

Кстати, фильм заканчивается, как любая «арийская» песня – «короче, все умерли»© В. Дубинин.

И вот летом 2006 года два образа слились в один, имя, не дававшее мне покоя много лет, и голубой шелк легли в основу полной трагизма песни. Продолжение «Мраморного Ангела» зазвучало у меня в голове, вылавливая из небесной или иной сферы отдельные слова и фразы.

«Там, где власть отдана подземной звезде»...

«И мы будем летать на другой высоте!»...

«Имя, летящее к центру рассвета»...

Внезапно появилось слово «Ave», которое обычно связывают с Цезарем или Девой Марией.

Сон, сон. Все лучшее случается во сне...

Слово постепенно проявлялось на странице огромной каменной книги, лежащей перед человеком в черном плаще с капюшоном. Словно невидимый никому мастер старательно вырезал эти буквы старинным инструментом. Человек в плаще показался мне знакомым, это был монах из одной моей медитации, записанной по требованию Учителя еще в 1998 году. Тогда Учитель вытаскивал меня из глубокой депрессии, случившейся после крушения казалось бы вечного, буквально фантастического, романа... Думаете, личная жизнь, всякие увлечения мне противопоказаны? Случается иногда, случается... Но, увы, они начинают мешать слушать звучащую во мне музыку и ловить в лунной паутине нужные образы и слова.

В той медитации увидела я три двери: красную, белую и черную. Надо было выбрать одну из них и войти.

*Рывком — из трех дверей — в черную,
Красная и белая — побоку,
Рывком — в подернутый дымкой зал,
Где пол — застекленное небо,
А стены уходят туда,
Где отражается пол —
Застекленный все тем же небом.
Книга Жизни раскрыта
Нервными пальцами шизофреника-ветра
С белым билетом
(Ни в Чечню, ни на Полюс,
Ни туркам, ни курдам),
Монах — хранитель гравюр, фолиантов
В тиснении кож и засохших мокриц —*

*Монах — хранитель крошек для крыс,
Крыс для кошек —
Исчез, иссяк, испарился...*

Тогда, помнится, на желтых страницах книги виднелось другое слово, резкое, страшное, сродни удару молотка по шляпке гвоздя, выплеску помоев сварливой хозяйкой в лицо аккуратному постояльцу. И это слово было «DEAD» – «мертвый».

Замена «мертвого» на «Ave!» и превращение обычного фолианта в каменный, несколько удивляла, но чего не увидишь во сне! Подсказка для припева была дана, разгадку оставим на потом.

*Ave Leticia!
Солнцеволосое чудо!
Ave Leticia,
Ставшая тенью моей,
Ave Leticia,
Я знаю — ты здесь, ты повсюду,
И в небесах,
И на земле...
Ave Leticia!*

Скрипников не помнит ни одного своего сна. Никаких монахов, камней, вырезанных на них слов. Можно было бы, конечно, сочинить какую-нибудь сказку-рассказку о чудесной рыжеволосой девушке, явившейся к нему в сновидениях в ночь со вторника на среду и подарившей маэстро цветущий папоротник.

– Ничего я не видел, – гундит Сергей в трубку, – какие девушки? Даже не помню, как музыку сочинил... Всего за один день. Та же история, что и с «Ангелом».

Он так же, как и я, видит образами – киношное мышление, не зря же эпиграфом к этому фрагменту я выбрала слова Брессона. Цепляет слово в тексте, вживается в него, проникает как тончайшая иглолка может проникнуть сквозь скорлупу, рождает образ...

У исполнившего эту песню Анатолия Алешина нет такого образного восприятия – он работает на отлове настроения, заложенного в музыку. Будь то печаль, отчаяние, радость.

С запевками «Leticia» у него происходило полное слияние... С припевом дело обстояло сложнее, мешала торжественность слова «Ave!», и тогда Алешин придумал хоры, добавляя в изумительную лиричность мелодии необходимую долю строгости. В целях окончательного «оготичивания» произведения Скрипников предложил ввести «живую» виолончель... Смычок словно прошелся по оголенным нервам. Картинки стали прокручиваться назад со все возрастающей скоростью: Скрипников, Алешин у микрофона, лестничная клетка с консервной банкой для окурков, летняя отупляющая жара, чувство безысходности, ворота с черными чугунными бабочками, свисающая с носилок простыня. Моя старушка, свернувшаяся калачиком под одеялом, звала долго, протяжно, по-детски: «Мама... Мама...». Я влетала в комнату, садилась на стул, стоявший около ее кровати, и рапортовала: «Я за нее!».

Зоя. Зоя. Зоя. **Жизнь.**

Летиция. Летиция. Летиция. **Полет.**

Отец, будучи, как любой **летчик**, человеком суеверным, свято верил – пока его Зоя рядом, с ним ничего не случится. И прошел всю войну до самого Берлина без единой царапины. Точнее – долетел до самого Берлина...

*Имя... Осталось одно только имя,
Голубой, легкий шелк на любимом лице.
Но мы встретимся снова,*

*И мы будем другими,
И мы будем летать,
И мы будем летать
На другой высоте!*

Эпилог для истории песен «Мраморный Ангел» и «Ave Leticia»

Осторожно пробираюсь вдоль кирпичной кладбищенской ограды к распахнутым воротам, внутренне готовясь к встрече с лохматыми псами. Для них припасены куриные косточки и несколько кусков ветчины... Сырой октябрьский ветер гуляет по аллеям Шелестящего Дола, лениво перебрасывая из стороны в сторону скрученные трубочкой сухие листья. Сторож в болотных высоких сапогах и необъятном прорезиненном плаще осунулся с момента нашей памятной встречи, потерял два передних зуба и указательный палец на левой руке.

«Псы откусили», – невесело думаю я, подходя к сгорбившейся на скамейке фигуре.

– Мадам, шево ишволите? – шепелявит сторож, ловя на лету пролетевшую сквозь дыру между зубами жеваную-перевеваную жвачку.

Как бы это выразиться поточнее? Так и сказать, что хочу, мол, видеть вашу местную сумасшедшую Бэлку дабы передать ей привет от узкого круга московской музыкальной общности и благодарность за неумышленную помощь в создании классной песни?

– Я тут тубетейку привезла, – начинаю издали, лихорадочно соображая, а не завалилась ли где пачка сигарет для бедолаги. – Женщина тут у вас была... такая...

Сторож угрюмо кивнул, чихнул, матюкнулся и, наконец, поднялся со скамейки.

– Пойдем, – буркнул он и двинулся по знакомой мне аллее, – к Бэлке, значит, в гости пожаловала. Ну-ну... К той, что рожи ангелам размалевывала... Ну-ну, черт Хоттабыч, ну-ну.

Какой черт Хоттабыч? Из-за огромного черного креста появился неказистый песик. Он дрожал, поджимая то одну, то другую лапку, вздрагивая тщедушным тельцем с розовыми проплешинами.

«Мутировали. Они все здесь мутировали. Мощные мохнатые псы превратились в хвостатые лишаистые скелетики,

здоровяк-сторож трансформировался в рыбака-спортсмена без реки и озера».

– Вотта, шдешь она и провалилашь, – сторож кивнул в сторону подозрительно знакомого приподнятого серого камня, – может, ливень почву размыл, может еще чево... Дьявол ее рашберет. Бабенка-то ш придурью была...

«Теодор Корвайзер. Аптекарь. Покойся с миром, отравитель», – прочитала я и стало мне совсем грустно.

– Вон и Хоттабыч видел, – дядька кивнул в сторону дрожащей псины, уже в третий раз за время разговора поднимающей лапу на надгробие аптекаря.

– Неделю кричала Бэлка-то, а потом и шатихла, – мой проводник по царству мертвых сокрушенно покачал головой и с шумом втянул воздух через уже упомянутую дырку. – Я думал, упыри кого тершают, не шел, значит, боялша я... А энто она на помощь швала иш ямы. «Мишук! Мишук! Шпаши, родимый!» Так семь ночей и шлышалошь... Откудова мне шнать кто такой этот Мишук? Может, демон какой? Может, один демон другого кличет?

«Мишук! Мишук! Спаси, родной! – кричала Бэлка из глубокой ямы, заполненной жидкой глиной, – If I don't get some shelter, I'm gonna fade away!»***

К краю ямы то и дело подходили молчаливые псы, заглядывали в нее и так же торжественно и молчаливо исчезали в разросшихся кустах сирени. Мишук Джэггер в те мгновения в очередной раз укрывался от уплаты налогов английской короне, Китик Ричардз падал с пальмы, виртуозно врезаясь головой в теплую курортную почву... Из-за проливных дождей никто на кладбище не захаживал, даже местные пьянчужки, любившие поспорить о философии Гегеля и Ницше в тени старинных склепов.

– Гошподь Бэлку накашал, – сторож поднял вверх уцелевший указательный палец, – тут девку одну похоронили, утопили ее... Кра-а-а-шивая, стерва... Утопили, шначит, жастрелил ее ухажер и утопил. И памятник ей родичи поштавили. Ангел, белый такой, как жжживой. Бэлка в тот день в аккурат пришла того ангела поганить швоими крашками. Ну и провалилашь. Пош-тоим? Помянем?

Из глубочайшего кармана, специализировавшегося на хранении спиртных напитков, беззубый дядька достал заветную плоскую бутылочку с напитком темно-янтарного цвета и два пластмассовых стаканчика.

*** Слова из песни группы THE ROLLING STONES «Gimme Shelter»

– Да будет жемля Бэлке пухом, – произнес он и залпом опорожнил посудинку. Коньяк был отменный...

– На, жанюхай! – и странный собеседник ткнул мне в нос корочку заплесневелого черного хлеба.

... У гостеприимно распахнутых кладбищенских ворот, получив от меня пачку Malboro Light, сторож-рыбак поставил точку в бэлкиной истории.

– Череш неделю доштали ее, Хоттабыч мешто показал... Гадошь, конечно, но мы ее вымыли... Н-да... Воняла Бэлка. И положили ее на крышку надгробия, шначит, продохнуть. Утром пришли... – рассказчик помолчал, снова шумно втянул в себя осенний воздух, – утром пришли, а на лице бэлкином кто-то крашной крашкой слешки наришовал.

«Перламутровыми слезы будут у Ангела Альбиона, обычными – у Ангела Бостона, а у нашего Ангела они будут алыми... Наш Ангел будет плакать кровью», – моментально вспомнился мне бэлкин бред.

– Шпалили мы чертовку эту, огнем почистили, так ветер ишкры понешь, парочка замушоренных могилок и жанялась. Крашиво горели!

Опрометью бросилась я бежать обратно под залиvistый лай доходяги-Хоттабыча и непонятные крики сторожа. Но не к тому месту, где погибла несчастная поклонница РОЛЛИНГ СТОУНЗ, а дальше, к Ангелу из светящегося белого мрамора, что был призван хранить покой утонувшей красавицы.

По щекам Ангела текли слезы...

*Smiling faces I can see
But not for me I sit and watch
As tears go by****

Я поднялась на цыпочки и дотронулась до блестящих на море капель. Потом осторожно слизнула влагу с кончиков пальцев, пробуя эти слезы на вкус. Обычная вода, дождевая... Слово-но камень свалился у меня с души. Нет, Ангел не плакал, он просто не мог куда-то спрятаться от моросящего осеннего занудства.

САКСОНСКИЙ КОРПУС

В жизни у людей много любимых праздников: у кого день рождения, у кого 8-е Марта, у кого – Новый год или день похорон

*** Слова из песни группы РОЛЛИНГ СТОУНЗ «As Tears Go By»

ненавистой тетушки-диктаторши, которая не давала в детстве объедаться только что сваренным по всем правилам царским вареньем из крыжовника и плевать бузиной в ее любимого сиаковского кота. А вот еще одна замечательная дата в секретном календаре современных ведьм – Волчий День или День хромого хищника. Как звучит! Мощно, впечатляюще, хэви-металлически...

Волки в этот день гуляют во всю, не считаясь с лисами и зайцами. Люди жмутся по углам, волосы не причесывают, в доме не убираются и даже поминки не устраивают (можно подумать, что в каком-нибудь селении каждый день кого-то поминуют. Если бы такое случилось, никто на Земле не выжил бы, все спились бы к чертовой бабушке). Если ты бреешься 30 ноября безопасной бритвой, а не всякими там новомодными машинками, не порань свою мужественную щеку, не порежь палец острым ножом и не ковыряй гвоздем в собственном теле, вынимая занозу. На запах крови тут же явится компания серых хвостатых братцев из ближнего леса. Единственное спасение от хвостатой напасти – натирание стен чесноком. Волки на дух не выносят этот запах. Нюхнут чеснока и лапы вверх. Их можно понять – в метро, например, какой-нибудь товарищ разинет пасть, дыхнет на тебя таким вот ядреным ароматом имени чесночного зубчика. Ты будешь приставать к нему, умоляя повторить это оригинальное дыхательное упражнение? Как же! Рванешь как миленький из вагона, словно попал во времена Первой Мировой в газовую атаку на Ипре.

Видно, в прошлой жизни были у меня какие-то тайные связи с волками. Может, жила я в лесной чащобе, собирала и сушила всякие травы, составляла по древним рецептам волшебные мази, ворожила на ловлю рыбы и птицы: умудрялась заполучить орла в Иванов день, несла на перекресток, закалывала его острой тростью. Потом выковыривала у него левый глаз, смешивала с коровьей кровью, высушивала смесь, завязывала порошок в синий чистый платок. Захочу рыбки поймать – привяжу узелок с орлиным глазом к удочке и через десять минут хоть в столицу торговать в рыбные ряды можно собираться. А на пальце я тогда точно носила перстень из копыта правой ноги знакомого лося – от неприятностей и недоброжелателей... Рыбку пойманную я и скармливала знакомым волкам. И, кстати, лечила их, когда звери теряли голос в полнолуние – выли-то мои дружки-приятели изо всех сил, старались. И лучшим средством от потери голоса был... не поверите! – печеный чеснок. Волки одной лапой

головку такого чеснока к сердцу прижмут, а на трех к себе в чашу ковыляют. Через пару дней уже поют – заслушаешься.

Частенько захожу я на вернисажи, ищу портрет лесного зверя любимого – чтобы шерсть серебрилась, и глаза лунный свет излучали или солнечный прятали. Не везет, никто не может нарисовать такого волка, какого я в те древние времена видела. А ведь и место для этого портрета есть – над дверью кабинета. Какходишь в квартиру, сразу – ррраз! – встречаешься с пристальным взглядом хищника. Если пришел с чистой душой и мыслями, проходишь в комнату спокойно, не дергаясь. Ну а если камень за пазухой припрятал – то, сколько бы чая не выпил, конфет не съел, неуютно тебе будет сидеть в самом мягком кресле, будешь вертеться, почесываться и слышать тихое-тихое, но очень грозное «р-р-р-р-р» из ниоткуда.

Две мечты у меня: украсить свою многостилевую по оформлению квартиру портретом Волка и копией «Тайной Вечери» Леонардо да Винчи.

Историю о Саксонском корпусе я вычитала в одной из книг, непонятным образом попавшей в раздел «Философия» магазина «Книжный Мир», что в двух шагах от моего дома.

В ней речь шла не о корпусе под командованием Ренье, входившем в наполеоновскую армию, и не о корпусе под началом короля Саксонии Альберта.

В книге рассказывалось о странном формировании, летучем отряде егерей, вооруженных до самых зубов лучшим оружием тех времен. На содержание так называемой «волчьей стражи» в XVI веке тратились огромные средства, в то время, как остальная армия могла бедствовать, голодать и помирать от чесотки. Все, что касалось деятельности этого корпуса, было строго засекречено.

«Саксонский корпус!»

«Саксонский корпус!»

Отличная чеканная шлягфраза так и просилась в песню вместе с самим сюжетом. Я честно пыталась пристроить его в какую-нибудь песню АРИИ, но не нашлось «рыбы» с подходящим размером.

Известно, что в те стародавние времена частенько отмечались случаи ликантропии – превращения человека в волка. Иногда эти превращения становились массовыми и можно было говорить о настоящей эпидемии. Целые села или города, полные оборотней. С ума сойти!

*Никто не знает, что это было,
Но люди в тот год становились волками,
Сбивались в стаи, отчаянно вили...*

В разгар тотального повизгивания, грызни и удушения несчастных овец и появлялся карательный Саксонский корпус. Егеря за несколько часов расправлялись с порождениями Дьявола, не жалея ни женщин, ни детей. По следам корпуса обычно шли или ехали в черных повозках молчаливые слуги Инквизиции, сжигающие документы, которые могли бы пролить свет на истинные задачи, ставившиеся верховной властью перед Корпусом. Ликвидировали и всех свидетелей этой охоты.

*Свидетелей бойни сжигали монахи,
И черные хлопья кружились над ними...*

Погибают оборотни, погибают люди, исчезают настоящие волки. И не только они – смерть одного оборотня равна смерти одного мага или чародея, жившего в прочесываемой карателями округе.

Наступает, практически, мистико-экологическая катастрофа – ни колдунов, ни зверей... Я уж не говорю о селянах и селянках.

Операция проводится за операцией, количество «врагов человечества» заметно уменьшается как вдруг Саксонский корпус исчезает из всех докладов и реестров, словно его и не было, словно его стирают в пыль по велению чьей-то аристократической руки. Задача по зачистке территории выполнена – исполнителей можно убрать или перебросить на другой горячий участок, но уже в другом обличье.

По некоторым слухам, все-таки просочившимся сквозь железный занавес молчания, Саксонский корпус по приказу так называемой черной аристократии расправлялся с различными мятежниками и недовольными существующим режимом. Стоило где-то начаться бунту, как тот район объявлялся пораженным чумой оборотничества, и население истреблялось молниеносно прибывшими туда егерями.

*Саксонский корпус —
Расстрел мятежников,
Саксонский корпус —
Расстрел еретиков.*

*Саксонский корпус —
По уставу —
Уничтожение волков!*

О черной аристократии написано много и Рене Геноном, и А. Дугиным, и Дм. Морозовым. Тема весьма интересная и заманчивая. Но пока лишь отмечу, что представительницей такой аристократии являлась и Елизавета Батори, о которой уже успела спеть группа CRADLE OF FILTH.

Что же касается оборотней, то оказывается не все так запущено! Случается, в обличье волка-оборотня человек сражается с Дьяволом, он – собака Бога. Три раза в год – в ночь святой Люции (накануне Рождества), в Троицын и Иванов день можно отправляться в ад и сражаться не только с губителем душ человеческих, но и со злыми колдунами. По свидетельству одного из таких оборотней, он спускается в ад, чтобы забрать оттуда награбленное темными силами добро в виде скота и зерна. Все нужно сделать вовремя, иначе вход в ад баррикадируется, вынести что-либо уже невозможно. Сеять будет нечего, и начнется голод. Причем для волков-оборотней разных национальностей существует свой ад, а не один, общий. Так, по крайней мере, пишет Мирча Элиаде в книге «Оккультизм, колдовство и моды в культуре»...

Петь «Саксонский Корпус» досталось Анатолию Алешину. Нельзя сказать, чтобы он сразу справился с этой задачей. Все-таки Анатолий – певец лирический, а здесь ему надо было поддать брутальности.

Исполнителю немного полегчало, когда он выяснил родственные связи одного из участников придуманного мною сюжета.

Так мог развиваться Принц Черной Крови...

По поводу Елизаветы Батори особенно распространяться я не стала, уж больно кровожадная была бабенка, с явной выработанной шизофренией. Вообще-то под «Принцем Черной Крови» предполагался какой-нибудь ее троюродный племянник. «Но, – призадумалась я, собираясь разложить текст по полочкам для лучшего понимания его певцом, – Толик – человек романтический, с мягким характером, а тут такие страсти-мордасти со стороны плохо знакомой ему женщины. Скажу-ка я, что этот Принц – внучатый племянник Дракулы. Дракула – персона известная, затертая, можно сказать, до дыр, и даже симпатичная в своей хрестоматийной затертости... но из того же Ордена Вампиров».

Услышав знакомое имя, Анатолий действительно обрадовался: а то какие-то егеря, оборотни, детеныши, еретики. А тут – знакомый упырь-аристократ. Класс!

Работа закипела, и на подъеме мы придумали вставку-фразу «Отныне и вовеки веков!», спетую одним Анатолием за целый хор монахов, чтобы придать истории борьбы с оборотнями еще больше мрачности. По-моему, хоры были прописаны на 64-х треках.

*Зима в окровавленной рваной рубашке
Глядела на пламя глазами слепыми...*

*Отныне и вовеки веков.
Аминь!*

Не знаю, у кого как, а у меня мурашки по коже бегут, когда я слышу эту фразу, пропетую в «Саксонском Корпусе»...

ЗМЕЯ

Ездить в метро – себя не жалеть. Особенно летом. Спускаешься вниз на эскалаторе словно в подземное царство Хелль. Только вместо корабля, сделанного из ногтей мертвецов (см. скандинавские мифы), из черной пасти выныривает змееподобный поезд.

Впихиваюсь в вагон, повисаю на «держалке», захватанной до меня тысячами трудовых и не очень трудовых рук, рискуя подхватить мерзопакостную чесотку. Мерное покачивание вагона вводит организм в некое подобие транса, способствующее переживанию увиденного под утро странного сна.

Не каждый раз во время ночного путешествия одной из моих душ в переливающихся всеми цветами радуги иных мирах приходится спасать Патриарха Всея Руси, самого Алексия. Только вот от чего я его спасала, хоть убейте, не помню... Сам Патриарх в кадрах сна не появлялся, но присутствие его чувствовалось. Я металась по темным лабиринтам, переходящим в огромные, стерильно чистые операционные, держа в руках горшок с каким-то деревцем (но не миртовым, как несчастный отец опупевшей невесты в известном фильме «Соломенная шляпка»). Именно с помощью этого дерева и двух ковров(!) можно было спасти от чего-то неведомого главу Русской Православной Церкви. Во сне мне дали понять, что в узорах этих ковров вроде зашифрованы молитвы, необходимые

для благополучного разрешения проблемы. Из темноты всяческих лабиринтов появлялись молчаливые женщины в темных платках, жестом останавливали меня, забирали ковры, разворачивали их, потом опять сворачивали и так же молча исчезали. Во сне я чувствовала, как устаю от постоянного движения и тяжести ковровых изделий ручной работы. Деревце все время щекотало своей верхушкой нос. Наконец я чихнула и проснулась, так и не узнав, удалось спасти от неведомой напасти Патриарха или нет. Чудны сны твои, Маргарита Анатольевна...

– Следующая станция «Комсомольская», – бодро сообщил неунывающий механический голос... Полусонное состояние моментально испарилось, я глянула влево – и наткнулась на обложку очередного опуса Оксаны Робски, обличающего страсти тяжелой жизни новорожденной российской буржуазии на Рублевке. Мысленно плюнула. Сплюнуть на пол по-настоящему не позволило воспитание. Глянула вправо и замерла – около моего лица висела, держась за ту же верхнюю перекладину, здоровенная мужская рука. А на волосатом запястье спала мастерски вытатуированная змейка. Я немедленно принялась разглядывать хозяина руки и змеи, стараясь не нарушать при этом правил приличия – не хотелось услышать громкое, на весь вагон: «Чего пялишься?». Товарищ был весьма цивилизованного вида, хотя я ожидала увидеть нечто байкероподобное или просто волосато-усатое с явным уклоном в рок. Белые брюки, белая рубашка из дорогой ткани с коноплей, белые летние туфли. Не кроссовки или какие-нибудь сделанные во Вьетнаме кеды с гордой нашлепкой «Lewis» на боку, а именно ТУФ-ЛИ. БЕ-ЛЫ-Е. Рыжеватая щетина на косо срезанном подбородке и очки в тонкой металлической оправе, то и дело съезжающие на нос. Все это как-то не вязалось с татуировкой.

Но если предположить, что тип, держащийся за поручень рядом со мной, это некое подобие Билла Хейеса, героя фильма Алана Паркера «Полуночный экспресс», все становится на свои места. Уж очень этот конопляный белячок был внешне похож на персонажа, детально выписанного сценаристом Оливером Стоуном. Да-да, создатель культовых фильмов «DOORS» и «Прирожденные убийцы» одно время подрабатывал сценаристом на «Коламбия Пикчерз»...

Американец Бил Хейес – реально существующий гражданин США, который пытался вывезти из Турции небольшое количество гашиша, был схвачен турецкой полицией и брошен в тюрьму. До сумасшествия от ужасов турецких застенков его, наверное, отделяло расстояние шириной в одну сброшенную змеиную шкурку. Но Хейесу чудом удалось бежать от зверств Востока...

Люблю брать персонажа какого-нибудь понравившегося мне фильма и «вживлять» его в нашу действительность. Получалось, что рядом со мной в метро ехал тот самый Билли, которому в память о пребывании в турецком тюремной аду какой-нибудь здоровенный мастер по тату, ветеран Вьетнамской войны, сделал такую изящную наколочку... Когда мистер Хейес обкуривается или надирается вискаря, ему кажется, что змейка на запястье оживает. Он в бешенстве пытается стряхнуть ее с руки, но, увы, тварюга верна своим рептильным привычкам – она легонько кусает своего хозяина, отправляя в тяжелый недолгий сон...

– Следующая станция «Преображенская», – какое дело механическому голосу до придуманной мной истории? Белячок, или псевдо-Билл срывается с места и едва успевает проскочить на перрон через закрывающиеся двери вагона. Жаль, а то я пофантазировала бы еще. Но образ оживающей татуировки надежно внедряется в память и фиксируется в моем дневнике в виде неприглядной загогулины с надписью «Оживает, зараза».

Когда все мои мысли начали медленное, но верное движение в сторону «готического» по атмосфере проекта, я вспомнила о коварной татуировке и пошла совсем в другую сторону, все больше удаляясь от Турции, Оливера Стоуна и Алана Паркера. И... столкнулась с Леонардо да Винчи (наши столкновения происходят постоянно, начиная со времен группы АВТОГРАФ, для которой были написаны вот такие строки: «Добрый вечер, маэстро, я шагнул через время и теперь перед вами преклоняю колени»). Благодаря писателю Хавьеру Сьерре (который пишет гораздо интереснее и завлекательней, чем разрекламированный пропагандистами массовой культуры американец Дэн Браун) я прониклась идеей связи Леонардо с катарами, *bonhommes*, добрыми людьми... И мне очень захотелось представить картину вмешательства великого художника, так затейливо игравшего со Светом и Тенью, Злом и Добром, в судьбу нашей Земли. Отправной точкой для такого вмешательства стала его картина «Мадонна в гроте», вернее, один из ее вариантов, отвергнутый церковью. На этом полотне Леонардо-экспериментатор согнул горизонт...

Итак, темная комната, скорее всего, келья. У стола сидит человек, приехавший за тысячу миль, чтобы попытаться разгадать секреты, скрытые в картинах да Винчи. Лампа отчаянно коптит, вытягивая из своего чрева остатки масла. На руке человека – четки. На пару минут отказываюсь от идеи татуировки. У католического монаха того времени ее просто не могло быть.

Да, деревянные четки обвивают его запястье, постепенно превращаясь в змею. Мрачно, антирелигиозно. Но – скучновато.

Возвращаюсь к идее с татуировкой. Это все-таки ближе, хотя коптящие лампы можно оставить для антуража.

*Если в лампах кончается масло,
Лампы гаснут, и дело с концом...*

Человек лежит на циновке в опиумной курильне, затягивается один раз, другой и погружается в странный мир видений...

*У тебя спит змеей на запястье
Смерть с довольным и сытым лицом...*

В помещение то и дело проскальзывают посетители-китайцы, о чем-то шепчутся с хозяином, тычут пальцем в белого человека с жиденькой рыжей бороденкой, лежащего в дальнем углу.

Он всегда отлично рисовал... Толстая, добродушная мама говорила, ласково глядя сына по золотистым волосам: «О! Ты будешь как Леонардо, мой мальчик! Ты очаруешь весь мир!» На последней сделанной им копии «Портрета дамы с горностаем» да Винчи он пририсовал зверьку совсем крохотные рожки. Заказчик-азиат порезал полотно ножом, а потом запустил этим же ножом в художника. Хорошо, тому удалось увернуться...

И вот теперь Леонардо постоянно преследует его в каждом видении: то заставляет волхвов разрывать на кусочки единственный пиджак копииста, то приказывает ему ткать на изобретенном да Винчи ткацком станке невидимый покров для Мадонны Бенуа, то прикасается к его лбу кистью и превращает в ангела с уродливой когтистой лапой.

Сочинять всякие истории, привязанные к этому текстам, можно бесконечно... Копиист, конечно же, умрет в облаке опиума, а синяя татуировка в виде змеи таинственным образом исчезнет с его запястья.

Но вокалиста, взявшегося за исполнение этой песни, кормить такими сказками было жестоко. Столь антигуманное поведение неизбежно привело бы к значительному отягощению моей кармы. Он был далек от опиума, Китая, катаров, Монсегюра, Каркассона... Требовалось строгое объяснение настроения, раскладка по пунктам. Этакий путеводитель по затейливому скрипниковскому произведению. Разогнав все посторонние образы и отказав себе в удовольствии сочинить еще пару простеньких сюжетов, я выдала следующую инструкцию:

Это песня – предчувствие, поэтому форте с первых же слов мало уместно. Развитие идет по спирали. Образно говоря, ты описываешь процесс постепенного накаливания спирали в старом обогревателе.

1. Таинственность и настороженность. Змея на запястье еще спит – громкий голос может разбудить ее. Это не просто змея-татуировка – это Смерть. Здесь желательна вкрадчивость, никакого взрыва эмоций. Гаснущие лампы, медленное сползание на тебя темноты.

2. «Не буди эту странную даму» – голос рассказчика по-прежнему без эмоциональных всплесков, он начинает расшифровывать сон Змеи. И где-то на последней строке возможно крещендо – Леонардо (да Винчи, который в глазах многих был колдуном) согнул горизонт! **Слово «странная» желательно все-таки пропеть.**

3. Кульминация – предчувствие взрыва, страх и смятение перед возможной гибелью мира даже во сне. Обычно люди просыпаются в самом кульминационном месте, в холодном поту, с учащенным сердцебиением.

«Семь острых шипов» – присутствует священное число «7» (переключка с «Реквиемом» – «Цифру 7 огнем Сатурн...»). Число «7» кое-кто из древних ассоциировал с косой, которой Смерть выкашивает человечество.

4. Можно вернуться в пении к медитативно-таинственной интонации – так было бы более оправданно. Такая предсмертная колыбельная, фантастическая. Представь себе, что ты смотришь на запястье человека, у которого оживает искусно сделанная татуировка в виде Змеи. Ее голова покачивается в странном ритме, движение, подобное вспышке молнии – укус – и все.

А можно и наоборот – все спеть на нервах. Видя ожившую татуировку, словно сходишь с ума. У навеки уснувшего татуировка медленно исчезает, и постепенно проявляется на запястье у рассказчика. Все та же спящая змея с одним золотистым пятнышком на плоской голове.

Но в этой, казалось бы, такой серьезной песне, мне удалось пошутить. В конце длинного-длинного вступления детский голосок интересуется: «How do you do, mister Dracula?» А мистер Дракула внушительно отвечает: «I'm well, and you?» Предполагаю, этот диалог происходил уже после того, как Дракула сошел с корабля на берег, а за ним живой рекой в город хлынули зараженные чумой крысы.

Готика, ничего не поделаешь...

ВЕРЕСКОВАЯ ПУСТОШЬ

(песня состояния)

Весна охотно прогуливалась вместе с нами по улицам допестроечной Москвы. Подбрасывала обертки от мороженого, катила по Гоголевскому бульвару бумажные стаканчики, взъерошивала перья сытых столичных голубей, не ведавших ни о каком птичьим гриппе, но получивших в свое время точные сведения о массовом убийстве воробьев в Китае. Поддавшись вполне понятной родительской панике, голубки при полном равнодушии отцов своих детей, прятали птенцов в самых неожиданных местах... Однако москвичи – не китайцы, и антиптичьего террора по примеру Поднебесной у нас в столице не последовало.

Никаких политических разоблачений и разборок, никаких намеков на танки или пластид. Никакой истерии по телевидению с ежедневными расчлененками, изощренными убийствами и поджогами домов престарелых и психдиспансеров. «Тяжелая» музыка исключительно «from оттуда», через знакомых меломанов. И – главное – дружба всех народов, без намеков на трещины в мощном советском фундаменте, который позже беззастенчиво развалится на глазах.

Каждое лето уезжаю в Ригу, хотя бы денька на три. Пройтись по улочкам старого города, вдохнуть наполненный ароматом сосны и запахом водорослей воздух Майори. Воспоминания детства, проведенного в Прибалтике, в дальнейшем сослужат мне добрую службу. Они не будут «преследовать меня» (так обычно принято говорить об образах из прекрасного далека, маниакально идущего по пятам за человеком всю жизнь). Эти яркие лоскуты, оставшиеся от щегольского кафтана счастливых дней, будут появляться в воздухе в трудные моменты, легко касаться щеки и успокаивать. «Вспомни причудливые замки из мокрого песка, – шепчут они, приятно щекоча шею, – яркие капли случайной брусники в дюнах, желтые кувшинки в темной воде реки и каменного богатыря на площади перед железнодорожной станцией, победившего злобного змея... Вспомни и расслабься. Дорога, по которой ты уйдешь однажды в никуда, не будет вымощена желтым кирпичом, она будет белого цвета... Песчаная теплая дорога, ведущая к прохладному приливу...».

Первый декабрь моего пребывания в Риге запомнился поездкой на Взморье – отец выбирал дачу, на которую летом должно было переехать из города наше шумное семейство. На пороге нас встретила сгорбленная старая латышка, под ногами

которой путалось несколько дурашливых цыплят-подростков. Небольшой одноэтажный деревянный дом казался ненастоящим – будто невидимый Кукловод спустил его сверху на тоненьких ниточках как декорацию к спектаклю «Папочка ищет дачку для своих малышек». Холод, которым задиристо бросался в лицо ветер, пробирал до костей, в доме было неоплотно и неуютно... Хозяева, видно, сэкономили на дровах или угле. Или (такие мысли приходят в голову по прошествии стольких лет) хотели отпугнуть советского полковника, не дать ему вторгнуться со своими чадами и домочадцами в свое гнездо.

Кстати, если бы не запавшее в душу состояние отчаянно замерзающего человека, стоящего зимним днем на берегу Рижского залива, не родились бы строчки песни «Я здесь!» для Валерия Кипелова. Обычный перенос картинки из прошлого в настоящее, с учетом пережитого.

*Так бесконечна морская гладь,
Как одиночество мое...*

А лиловые мелкие цветы под ногами в странном, словно умирающем от жажды, лесу? Где-то в стороне отец переговаривается с шофером – нашли целую компанию веселых грибов-рыжиков. Я, забыв о сыроежках и лисичках, внимательно разглядываю незнакомое мне растение – маленькие цветущие кустики, пытаюсь найти общий с ними язык. Не получается – они откликаются только на латышский, с которым в школе у меня проблема. Толстая учительница-латышка тяжело вздыхает и разводит руками, слушая мое невнятное бормотание. Однако несколько фраз из учебника, напоминающего знаменитую «Азбуку» Буратино, крепко засели у меня в памяти: «Anna nak» («Анна идет») или «Rīga dimt» («Рига шумит»). Вывески: «Maize» – «Хлеб», «Piens» – «Молоко»...

Пытаюсь сорвать суховатый кустик, усыпанный цветами. Он никак не желает расставаться с родной землей, поддается с трудом, его корень похож на чей-то длинный хвост. Может быть, это хвост высохшего ужа, которого в Латвии очень уважают. У безобидной змейки есть даже своя королева по имени Эгле.

Я оставляю растение в покое и не догадываюсь, что только что имела честь познакомиться с подбрусничником или воробьиной Гречухой, *Caltuna Vulgaris*, точнее, с ВЕРЕСКОМ.

Здание Манежа, еще не пережившее ужаса пожара и кошмар ежедневного созерцания безобразных зверюшек, выведенных

путем скрещивания безответного камня и неиссякаемой фантазии скульптора Зураба Церетели. 10 лет спустя после первой встречи с растущим в Латвии символом Шотландии. Выставка «Искусство народов СССР» обещала нашей студенческой компании прохладу, лимонад, множество картин, gobеленов, керамики и замысловатой формы стеклянных кувшинов и ваз.

Непонятная сила стремительно вела меня мимо грузинской чеканки, тяжелых туркменских и узбекских серебряных украшений, молдавских тканых ковриков в просторный зал, увешанный картинами. Где-то за десятками стендов, полочек и витражей был спрятан магнит, притягивающий к себе именно меня.

Стоп. Или стоп-кадр? Огромное полотно с эротическим названием «Моя бабочка летит на твой луг». Сейчас уже не помню точно, кто был автор этого яркого, благоухающего летним беспределом шедевра – литовец или латыш. Картина напоминала окно, аккуртно врезанное в каменную стену – а за окном резвились мотыльки и бабочки всех цветов и названий, сходились в брачном танце над ликующими, напившимися впрок утренней росы ромашками и васильками, вводили в транс легкомысленные головки редких маков... Чувствую – ОНО! Рядом, совсем рядом. Как в детской игре: «Холодно, холодно, тепло... Наконец – горячо!»

Слева от разнузданного галопа крылатых существ – «Вересковая пустошь». Она манила к себе, втягивала в себя, спрятав в загадочном сиреневатом тумане центр силы. *Caltuna Vulgaris*, который древние римляне посвящали богине любви Венере, дивным ковром укрывал еле заметные холмы, источая аромат, пробивавшийся с другой стороны полотна в выставочный зал. Если бы тогда я знала, что шотландские колдуньи имеют обыкновение собираться на вересковых пустошах для инициаций, то еще пристальнее вгляделась бы эту картину, выискивая фигуры в просторных плащах. «Смешай вереск с валерианой, пустырником и сушеницей... Вот доброе средство от бессонницы и расстроенных нервов. Выпей настой, и все выпадения твоих недоброжелателей покажутся легкой гримасой приболевшего ангиной духа холмов...», – сказали мне эти мудрые женщины, – а своему другу Уильяму Блейку при случае передай, что при болях в пояснице и ревматизме прекрасно помогают вересковые припарки».

Но тогда я еще не была знакома с Уильямом Блейком, лучшими друзьями в ту пору были Курт Воннегут и Габриэль Гарсиа Маркес. Мой голос не тревожил пока в других измерениях и ученых друидов, требуя подсказать адрес человека, родившегося с

23 сентября по 3 октября, под знаком вереска – говорят, эти люди чертовски удачливы. А посмотреть на удачливого сына человеческого – одно удовольствие.

Мне просто хотелось войти в эту картину, перешагнув через границу рамы, и остаться там, в этом тумане, в предзакатную пору, пережить среди вереска закат и упасть в ночь, полную таинственного шелеста. Дождаться того момента, когда крохотные существа начнут зажигать на растениях свои огоньки, собирая любезно оставленный пчелами мед...

*Вересковая пустошь.
Предзакатная роскошь...*

Роскошь цветущего покрова, до конца не разгаданная мною много лет назад по вполне понятным причинам. Только сегодня все завязывается в не разрушаемый мечом узел – друиды, колдуны, пять священных деревьев (правда, трудно мне представить вереск деревом), имена Исиды и Осириса.

Соверши я в тот день столь рискованный поступок, кто знает, может, мне довелось бы увидеть семьдесят охотничьих псов с именами птиц, их хозяйку – древнюю великаншу Garbh Ogh, собирающую камни и строящую себе трехгранную пирамиду, чтобы воссесть на холме во время цветения вереска и... исчезнуть.

Настоящего Манежа давно нет. Старый, любимый мной город быстро, мастерски убивают расторопные хозяева, превращая его в нагромождение параллелепипедов, кубов, стеклянных сфер и бесконечных тоннелей. На вернисажах вездесущие японцы скупают добросовестные копии картин великих мастеров, со всех сторон меня обступают одинаковые подсолнухи, лишённые ослепительного безумства Ван-Гога, статичные букеты сирени, безжизненные аляповатые маки. Никто и не вспоминает о вереске, кроме дизайнеров модных альпийских горок и лужаек перед коттеджами. Но мне почему-то кажется, что он плохо приживается в неволе, как и соловьи. Вереску нужен простор, волнистость холмов, шепот шекспировских ведьм, гудение трудолюбивых пчел. Мысленно то и дело возвращаюсь на ту выставку в прошлом, молнией пролетаю по пустынным залам и – мысленно! – делаю то, что все-таки совершила героиня «Розы Марена» Стивена Кинга. Ухожу за узкую скромную раму в объятия полюбившейся мне картины неизвестного прибалта, чтобы стоять на вересковой пустоши в окружении нескольких ветров (такое разве бывает?) и пытаться понять, что же моей душе на самом деле ближе – Запад, Восток, Юг или же

Север. А дни идут за днями, одна ночь тащит свою повозку за каретой другой ночи, и названная моим именем свеча на алтаре Хозяина людских жизней неумолимо тает.

*Странное чувство...
Словно я — та свеча,
Что отдана на заклятие ветру.*

Вы заметили? Современные толстые красивые свечи, которые продают в шумных торговых центрах, не умеют ронять романтические восковые слезы. Люди отучили их плакать...

КАТЯТСЯ КАМНИ С ГОРЫ...

(образ камня в некоторых песнях «Династии» и не только)

*«Мы живем на блаженном острове невежества среди черных морей бесконечности, которые нам едва ли суждено переплыть»
Говард Ф. Лавкрафт, «Зов Кхтулу»*

1. Камень первый

Продолжая сложное, хлопотное дело по взламыванию кода «Династии», поговорю-ка я сегодня о камнях. Не о тех, которые «мы разбросали и собрали» в песне «Никто». Выражение «Время разбрасывать камни и время собирать камни» довольно известно, его часто употребляют к месту и не к месту, но в специальном разъяснении оно не нуждается. Во всяком случае, так мне кажется сегодня. Возможно, Валерий Кипелов, с блеском исполнивший песню, впоследствии даст смелую и глубоко личную трактовку этому тексту. Пока же обойдем хит, светлое место довольно брутального, «мясного» альбома, стороной.

Мой страстный роман с Камнем (шутка) начался на предыдущем альбоме Margent'ы – на «ПТСС».

*Есть на горе священной камень,
Черный как ночь,
Хранящий вдохновенье звезд...*

Страна гэлов. Грот Оссиана на горе Сноудон. Круг из камней друидов... Тайные знания, которые открываются лишь

посвященным. Смог ли про это спеть Кипелов на альбоме, получившем название «Реки времен»?

*Кто засыпает сном младенца
Подле него —
В краю безумья первый гость.*

Не захотел. Не проникся историей Мерлина, которого привел к мудрецам великий певец Талиесин. У меня сложилось такое впечатление, что Валерий просто этот вариант текста не заметил. Идея рассказать о герое, который получает звание барда-пророка, переночевав у Черного камня, была положена в основу черновика – трудно в это поверить! – рожденного позже в долгих муках «Матричного Бога».

По духу мне был ближе не конвейер из алюминиевых или жестяных звезд, а история дикой страсти Падшего Ангела и благочестивой сестры-монахини по имени Кармелия, которая в V веке жила в монастыре в Камбрии и сочувствовала всем сердцем не святым, а всяким злодеям. В результате бурной запретной связи и появился на свет волшебник, ставший ближайшим другом Короля Артура. От отца, как сообщают нам компетентные источники, он унаследовал бунтарский дух, полное взаимопонимание с природой, пылкость ума и массу всяких самых разных желаний, одно из которых и привела в старости Мерлина в башню из тумана. В сыне монахини и Князя Тьмы уживались язычество и христианство, земные страсти и тоска по небу, утраченному восставшим против божественного консерватизма Люцифером. Француз Эдуард Шюре, занимавшийся изучением легенд, связанных с Талиесином и Мерлином, сообщает, что в одном из романов XIII века он наткнулся на следующие сведения: «Бог позволил, чтобы Мерлин, как и его отец, все знал о прошлом. А чтобы не нарушалось равновесие, Бог наделил ребенка возможностью узнать будущее. Таким образом, ребенок мог свободно выбирать между раем и адом».

Не знаю, насколько рисковал старый Талиесин, давая приют беременной и отвергнутой всеми монахине (рассказов о сомнениях в правильности принятого решения помочь несчастной женщине, расплачивающейся за желание увидеть Падшего Ангела и пожалеть его, нет). Видимо, внутренний голос подсказал ему, что за чудесный ребенок должен был появиться на свет...

Талиесин привел своего ученика Мерлина к волшебному камню Сноудон, чтобы в него вселился Авеннизиус, божественный

дух. И при молчаливом согласии целой коллегии бардов пообещал показать парнишке ключ к трем жизням: жизни бездны, жизни земли и жизни неба. Но честно предупредил готового к посвящению воспитанника, что тот рискует потерять рассудок – такова была природа Черного Камня, у которого Мерлину предстояло провести ночь. Либо испытываемый становился гением, либо погружался в пучину безумия... Сыну монахини повезло – по мере погружения в сон он то общался с собственным папой, то с прекрасным существом с крыльями из света и серебряной арфой. Это и была мерлинова Сестра Небесная, которой он дал обет вечной любви и принял от нее в дар кольцо. (Кстати, именно она предупредила волшебника о том, что не надо ему связываться с земными женщинами).

*Сестра Небесная за ним
Следит с немеркнущих вершин...*

На утро Талиесин и отсиживающиеся в гроте Оссиана барды-мудрецы увидели в руках Мерлина серебряную арфу, а на шее – пятиконечную металлическую звезду на медной цепи. Мало того, обретший способности мага и прорицателя парень запел, предсказывая победы и могущество Короля Артура... **Черный Камень** сделал свое дело – люди получили нового Великого Прорицателя. Сочиняя этот текст, я еще не знала, что через несколько месяцев в поте лица своего буду «укладывать» в сочиненный Дубининым мудреный размер историю мифического Хозяина Камелота и Круглого Стола. Какие странные хитросплетения сюжетов...

... Михаил Юрьевич Лермонтов, судя по всему, неоднократно совершал путешествия в глубины кельтской души. История любви его Демона и Тамары напоминает историю Кармелии и Падшего Ангела, которую донес до нас Э. Шюре... Но у Лермонтова девушка благополучно умирает, познав любовь Проклятого и Отверженного Духа, не успев подарить холмам Грузии пророка. Демон у Михаила Юрьевича, на мой испорченный вкус, чересчур мягок и слезлив, хотя порою дико злобен. И, между прочим, в его судьбе тоже присутствует **Камень**!

Итак, лермонтовский Демон под покровом вечерней мглы является к монастырю, на жизнь в котором себя обрекла потеврявшая жениха девушка, ходит вокруг да около у стены высокой... И «от его шагов без ветра лист в тени трепещет». Он слышит нежную песню, будто сложенную для земли самим небом, хочет в страхе удалиться. «Его крыло не шевелится»...

*И, чудо! Из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень
Слезой жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой!..*

Оставим ставшую классикой русской литературы историю Демона и Тамары. Вернемся на секунду к отцу Мерлина.

«Я тот, кто не сгибается перед Вечностью. Я тот, кто хотел существовать и узнать все самостоятельно... Я Бунт и Проклятие. Я царь воздуха и подземного мира... – говорил согласно легенде Падший Ангел молодой монахине, зачарованной его пылающим взором и светом красноватой звезды на горизонте, – Я несу свет во тьму. Все изгнанные из рая вынуждены возрождаться на земле, они блуждают по моему царству. Я искуситель, и души должны пройти через мое сито, прежде чем смогут подняться наверх. Страдания, которые я несу, необходимы для жизни вселенной. Но сам я страдаю во сто крат больше. Опала душ временна, мои же страдания вечны...» ***

Красивые, пронзительные слова, которые так и просятся переложить их на музыку!

Сейчас, казалось бы, самое время перейти к истории песни «Крылья», спетой группой КАТАРСИС.

*Падшие ангелы рядом,
С лицами старых солдат...*

Но такой переход уведет нас слишком далеко от темы камней, и мы столкнемся не с Лермонтовым, а с писателем Артуро Пересом-Реверте...

2. Камень второй (семь версий)

Мы с Сергеем Терентьевым, несколько обескураженные предварительным разговором о возможности выпуска «Дидактии Посвященных» на фирме CD-Maximum, спустились

*** Цит. по Э.Шюре «Великие легенды Франции», Москва, изд-во «Алетейя», 2004 г.

вниз по лестнице. Особого энтузиазма по поводу нашего нового проекта глава компании не проявил – представьте себе двоих товарищей, окрыленных идеей выдать на гора нечто весьма тяжеленькое, концептуальное, не похожее на все то, что делалось ими раньше. И – хлоп! – нас словенно засовывают в бочку с холодной осенней водой. «А вы уверены, что ваш продукт будет продаваться? – вопрос в лоб. – Мне бы не хотелось рисковать...». Продукт... продаваться... Как это все приземлено, пошло. «Есть любители такой музыки, – вяло начинаю я, отлично понимая, что с коммерсантами спорить глупо, – хочется чего-нибудь взрослого, посложнее обычного, мы же не черепашки-подростки». Глава фирмы качает в сомнении головой, искры в глазах Терентьева куда-то исчезают, я лихорадочно начинаю соображать, а нет ли какой-нибудь другой выпускающей конторы, в которую можно обратиться. Увы. Все между собой повязаны, наверняка существует негласная договоренность сообщать друг другу о шарахающихся из одной крайности в другую клиентах.

– Из нас с тобой те еще фиговые парламентарии, – мрачно шучу я у проходной и натыкаюсь взглядом на до боли знакомый фигурно выстриженный затылок. – Немоляич!!!

От моего отчаянного вопля вздрагивает здоровенный охранник, роняет на пол бумажный стакан с дымящимся кофе блондинка-секретарша. Немоляев выписывает замысловатый пируэт на скользких плитках вестибюля и устремляется навстречу. При виде наших грустных физиономий на его лице моментально проступает всеми красками неповторимая глумливо-ехидная гримаса.

Через несколько минут бурных объятий, моего писка и визга, заверений в любви и уважения до гроба, мы получаем для исполнения мини-песни «Каждому», написанной в духе группы SOUL FLY, настоящего Демона-балеруна.

Немоляев пишет вокал стремительно, увлекаясь извлечением правильного рыка и особенно не задумываясь над смыслом слов. На все уходит ровно 15 минут. Но если лидеру БОНИ НЕМ было совершенно наплевать на того, кто дает крылья и заказывает попутный ветер для сопровождающих каждого человека Ангела и Демона, то любознательные слушатели, ознакомившись с треком, принялись мучить меня одним и тем же вопросом: «А что это за личность, нашедшая камень? И что это за камень такой?»

Предлагаю несколько версий ответа на этот вопрос.

Версия первая (самая простая)

Речь идет о человеке, подобравшем камень из короны Ангела, которому удалось уклониться от участия в битве с восставшими братьями. Или же – о том, кто подобрал камень, выпавший из короны Люцифера.

Версия вторая (не такая простая)

Камень, дающий нашедшему его человеку такую власть, – тот булыжник, что положил себе под голову, засыпая, Иаков. А, заснув, он увидел Лестницу, идущую в небо. По ней поднимались и спускались ангелы.

Версия третья (моя любимая)

В начале творения Сатана, бывший отличным пловцом и ныряльщиком, достал со дна уже созданного моря Камень. Господь взял этот камень, взвесил, разломил надвое – поделил по-товарищески. Одну половинку себе оставил – ударил по этой половинке, полетели во все стороны искры. А из этих искр появились Ангелы. Сатана взял предложенный ему кусок Камня, внимательно осмотрел его и тоже ударил (чем били, в источниках не указывается). Но из этих искр образовались уже бесы.

Тот, кто найдет две половинки, соединит их, сможет повелевать и Ангелами, и бесами.

Версия четвертая (для детей)

В песенке поется о каменном яйце, в котором спрятана тонкая золотая игла. А на кончике этой иглы – хранится Кошечья смерть. Кто найдет это яичко, тот и Кошечья Бессмертного может в управдомы брать.

Версия пятая (сомнительная, но имеющая право на существование)

Возможно, речь идет о Камне святого Антония Римлянина, на котором родившийся в Риме монах приплыл в Новгород. Говорят, этот камень, перенесенный с берега Волхова в основанный святым монастырь, обладает чудодейственными свойствами – исцеляет телесные и душевные недуги.

Версия шестая (сложная, требующая детальной проработки, но наиболее подходящая)

Это – Философский Камень, который Уильям Блейк назвал «Камнем Ночи», а Уильям Батлер Йейтс считал основным хранителем тайны всей Вселенной. Этот камень – символ «Всего». Алхимия – тема запутанная, таинственная, и углубляться в ее дебри не буду. Увязну в символах и трактатах, ничего не пойму и опечалюсь на всю оставшуюся жизнь. «Si tatlia jungere possis sit tibi scire posse» – «Если ты не способен понять, значит, тебе этого знать не следует».

Интересно, в доме Брюса Дикинсона есть алхимическая лаборатория?

Версия седьмая (самая свежая и последняя)

Героем песни может оказаться на удивление всем **археолог... Ханс Гаальфе**, руководивший в пределе храма святого Иоанна раскопками могилы художника Иеронимуса Босха, человека чрезвычайно загадочного.

Останков гения, названного сюрреалистами «почетным профессором кошмаров», ученые не обнаружили, а наткнулись на странный плоский **камень**. Это был не гранит и не мрамор. Камень излучал слабый зеленоватым свет, а температура его поверхности стала подниматься, как только археологи поместили фрагмент находки под микроскоп. На одной из своих фресок Босх изобразил распятие, освещенное точно таким же странным зеленоватым светом. Еще одна его фреска не менее зашифрована: толпа праведников и грешников простирает руки ввысь – на них стремительно надвигается зеленый конус с ярким белым шаром света внутри. В центре этого шара нарисована странная обнаженная фигура, пропорции тела которой не соответствуют человеческим. Исследователи считают эту фреску подтверждением того, что художник воочию наблюдал НЛО с представителями иных цивилизаций на борту.

Один из моих знакомых специалистов по расширяющим сознание веществам утверждал, что Босх любил употреблять хитрые грибы-мухоморы и потом фиксировал свои галлюцинации на полотне и фресках. Инопланетяне, дескать, здесь не пляшут.

Но тогда – вот загадка! – что за камень нашли в могиле Иеронимуса Ван Акена? Куда исчез он сам? И вообще, кем автор

«Сада Земных Наслаждений» был на самом деле? Кем были на самом деле Леонардо да Винчи, Уильям Шекспир, Уильям Блейк и другие... действительно ПОСВЯЩЕННЫЕ?

Как бы то ни было, теперь все ангелы и демоны Иерониму-са внимательно слушают команды доктора Гаальфе.

На этом «Секретные файлы» обрываются

О каких священных камнях поется в песне «Лилия и Лилит»?

Почему Сатурн чертит цифру семь над бездной?

О чем молчит Андайский крест?

Обо всем этом чуть позже...

ОТ АВТОРА

Эта книга собрана на одном дыхании, в кратчайшие сроки, с помощью друзей и знакомых.

Совершенства в ней нет, да и не может быть при такой спешке. Хотелось, чтобы альбом «ДИНАСТИИ ПОСВЯЩЕННЫХ» сопровождался выходом в свет небольшого томика с inferнальной собакой на обложке.

В этом издании вы найдете тексты «Династии», ее полную версию, то есть не только те стихи, которые уже стали песнями. В эту главу входит и то, что может быть положено на музыку в будущем, и просто стихотворения, соответствующие состоянию загадочности и медитативности всего «эпического» полотна.

После стихотворений вас ждет сюрприз – так называемые «Секретные файлы», часть глав для «Арии Маргариты-2». Различные происшествия и события отвлекают меня от выполнения давно данного обещания продолжить «расшифровку» многих текстов, написанных мною в разные периоды для групп «АРИЯ», «МАСТЕР», «КИПЕЛОВ» и др. Пользуюсь моментом и сразу предлагаю вам трактовки некоторых песен «Династии» и торжественно обещаю, что соберу все существующие осколки и фрагменты, допишу необходимые истории. Конечно, все еще будет редактироваться и переделываться.

«Династия» неразрывно связана с альбомом «ПО ТУ СТОРОНУ СНА». И во второй главе можно ознакомиться с текстами, на которые группа «МАСТЕР» писала музыку, и первоначальные варианты лирики.

Ну, а третья глава «AD LIBITUM» будет представлять интерес для тех, кто любит иногда почитать мои стихи, пытается найти в продаже мои сборники. В нее вошли стихотворения, написанные не так давно, и несколько моих любимых, the best, так сказать.

Еще раз прошу прощения за шероховатости и возможные нестыковки в изложении той или иной истории.

Благодарю за помощь в экстренной работе над книгой: художников AINNIPA MALAKION, Серафима Шуляева.

А также: Н. Льянову (Glossy), Фею Снов (Оксану Белоконь), Виталия Белова, Inquisitor, С. Скрипникова, А. Грановского, В. Дубинина, В. Троегубова, постоянных обитателей сайта www.margenta.ru.

НО ВЫ – ПЕРВЫЕ, КТО ПРОЧИТАЕТ ЭТО!

Маргарита Пушкина

Династия Посвященных

Дизайн макета
и верстка: Катерина (Фенечка),
Оксана Белоконь,
при участии Н. Льяновой (Glossy)

Художники: Анастасия Новикова
(AINNIPA MALAKION),
Серафим Шуляев

MARGENTA

Маргарита Пушкина

династия посвященных

MARGENTA

У человека было лицо,
С человеком любил беседовать Боги,
И после одной задумчивой беседы
Человек оказался безликим.

Династия Посвященных